

АЛЕКСЕИ ПАВЛОВ

ТЕНЬ³ДУШИ

Алексей Лавров
Тень души 3
Серия «Тень души», книга 3

doc предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68777790

Аннотация

Артём получил возможность ставить свою игру на паузу и заняться собой в реале. А Денис решил перестать быть толстым задротом...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	22
Глава 3	38
Глава 4	63
Глава 5	77
Глава 6	100
Конец ознакомительного фрагмента.	114

Алексей Лавров

Тень души 3

Глава 1

Капсула открылась. Подошёл Вадим и помог вылезти. Я спросил:

– Старик, а где моя одежда?

– Какая тебе одежда! – раздражённо ответил он. – Пристёгивайся к своему экзоскелету.

Я удивлённо приподнял брови, и Вадим деловито проговорил:

– Пристёгивайся, и пойдём обратно в палату. Ляжешь в кровать, типа ты только что очнулся.

Действительно, ни к чему подводить человека. Гм. Лишний раз.

Я кивнул и позволил проводить себя к стульчику. Пристегнулся к экзо. Мы вышли в коридор. Вадик закрыл двери... и едва успел меня поймать. Злость ушла, силы тоже. И кружилась голова.

Он прислонил меня к стенке, падать мне не позволял экзо. Я отдышался, головокружение немного отпустило. Хрипло сказал:

– Пойдём дальше.

Вадим повёл меня, придерживая за плечо, я заставлял себя передвигать свои тяжеленные ноги. Доковылял до кровати уже в полуобмороке. Уселся на койку, Вадик ловко отстегнул меня от экзоскелета и уложил.

Надел на меня свежий подгузник, потом принёс бутылку с дозатором, поднёс к губам. Я сделал несколько глотков какого-то коктейля. Что-то молочное с мёдом и ароматом ягод. Горло всё-таки при глотании побаливало, я оторвался от пилки и хрипло сказал:

– Прямо как в больнице.

– Ты пей давай, – добродушно проговорил Вадим и, когда я снова припал к дозатору, рассудительно сказал. – Если человек не идёт в больницу, больница всё равно приходит к человеку.

Я напился. Он убрал бутылку и, серьёзно взглянув мне в глаза, спросил:

– Скажи, пожалуйста, что там было такого важного для проекта? Почему тебе так срочно потребовалось в вирткапсулу?

– У меня случайно получилось поставить игру на паузу, – просипел я. – Появилось предупреждение, что, если не вернусь за сутки, вообще никогда не вернусь.

– За сутки? – повторил Вадим. – Что ж так спешил?!

– Да там, понимаешь, такие были дела, – отвёл я глаза. – Что, если б сразу не решился, сам бы потом не захотел.

– А Денису выйти помог? – спросил он серьёзно.

– Помог, – ответил я.

– Ну, посмотрим, – бодренько проговорил Вадим и вынул телефон.

Что-то ткнул на экране и, приложив аппарат к уху, долго молчал. Наконец, заговорил деловым тоном:

– Алё. Сергей Васильевич, Артём очнулся... Но вы же велели докладывать в любое время... Да! В два ночи тоже... Хорошо, до завтра.

Вадим убрал телефон и проворчал:

– Привет тебе от бабушки.

– Спасибо, – сказал я и смущённо проговорил. – Сейчас ночь? А как же твоё семейство?

– Как-как! Вот так! – раздражённо ответил он. – Дежурили возле тебя по очереди с твоим отцом!

– Извини, – пробурчал я.

– Ладно, хоть очнулся, – брюзгливо сказал Вадим. – А сейчас попробуй просто уснуть.

– Хорошо, – благодушно ответил я.

* * *

Вадим отправился в соседний кабинет спать на диванчике. Сказал на прощанье, чтоб орал, если что, тут звуковой и видео контроль. Ушёл, погасив свет. Я прикрыл глаза и отрезился от мыслей. Уже слава богам, что очнулся не в тюремной больнице, остальное завтра расскажет бабушка. А сей-

час самое для меня главное то, что в игре полгода – это пять-шесть суток комы. Нужно оживать, разгонять силы духа.

Долгая медитация незаметно перешла в глубокий сон. Проснулся от того, что почувствовал, как в палату вошёл человек. Включился свет, и раздался голос Вадима:

– Доброе утро. Как ты тут?

– Нормально, – ответил я. – Помоги подняться, пожалуйста.

Он подошёл ко мне и настороженно спросил:

– Зачем?

– Размяться, – сказал я честно.

– А сможешь? – уточнил Вадик серьёзно.

– Смогу! – уверенно заявил я.

Он сказал, протянув мне руку:

– Хватайся.

Сесть получилось легко, на кураже слез с кровати. Вадим меня отпустил.

– Хорошо стоишь? – спросил он строго.

– Хорошо, – сказал я с серьёзным таблом.

– Тогда вот, – проговорил Вадик, пройдя к шкафу.

Вытащил трусы и майку, положил мне на кровать и проговорил, указав на белую дверь в стене:

– Санузел там. Будешь готов, просто позови меня вслух.

Я кивнул, и он вышел из палаты. Как был, в подгузнике, приступил к зарядке. Двигался только для того, чтобы почувствовать себя в движении, направляя силы духа. Получа-

лось вполне удовлетворительно. Опустился на колени медитировать, уже не сомневаясь, что сам смогу встать и даже схожу в душ без экзоскелета.

После контрастного душа вытерся. На полочке у зеркала нашлись зубная щётка в упаковке и тюбик зубной пасты, принялся чистить зубы. На той же полочке заметил несколько одноразовых «тяпок» и баллон с пеной для бритья.

Я, конечно, волхв, и характер мой нисколько не улучшился. Но ведь в игре я брился, чтоб во мне не заподозрили викинга, а в родной реальности и вовсе глупо что-то из себя изображать. Я прополоскал рот и решительно принялся удалять эту уже буйную растительность.

Так. Трое суток прошлый сеанс, потом три дня в реале и следующая миссия пять-шесть дней. Неудивительно, что оброс. Борода не желала сдаваться без боя, порезался пару раз. Умылся горячей водой и сосредоточился на порезах, глядя в зеркало. Кровь свернулась прямо на глазах.

Ну, что и требовалось доказать. В игре на мне тоже всё быстро заживало. Это ж сколько у меня талантов духа! Воли и разума, кстати, тоже прилично. Если всё это со мной – а куда б оно делось, нематериальное ведь – обязательно нужно развивать в реале. С таким делами... да это ж вообще чёрт знает, что можно сделать!

Ну... во властные властины мира лезть необязательно, это глупо и хлопотно, зато в следующей миссии буду более подготовленным. Если она, конечно, будет, эта следующая

миссия. Я вышел из душевой, надел трусы и майку, присел на кровать и громко сказал:

– Вадим!

Через пару минут он вошёл с подносом в руках и воскликнул:

– Почему без скелета?! Ну-ка, надевай!

Не люблю такой тон. Я угрюмо на него посмотрел, и он сказал немного душевнее:

– Ну, передо мною-то корчить не надо. Надевай, а то завтрак твой выброшу.

Это был весомый аргумент. Я, сохраняя покер-фэйс, встал, подошёл к стулу и пристегнулся к экзоскелету. Вернулся на кровать, Вадик поставил поднос мне на колени. Так, что тут у нас...

Варёное яйцо, кусочек хлеба с маслом, творожок и молочный напиток. Я снова недобро воззрился на Вадима.

– Извини, шашлыков не жарим, икры тоже нет, – язвительно проговорил он и добродушно добавил. – Да ты это попробуй съесть!

Ну, попробовал. Вообще не понял, что это было.

– Всё-таки пять с лишним дней в коме, – проговорил Вадик растерянно. – Сразу много есть нельзя.

– Много есть вообще нельзя, – сказал я примирительным тоном и спросил. – А одежда моя где?

– Одежда? – переспросил он. – По идее ты должен сейчас снять экзо и дальше лежать.

Я терпеливо смотрел в его смущённую личность.

– Сейчас дед твой и папка придут. Как я им тебя покажу? – проговорил он.

– Вот именно, – сказал я. – Давай одежду.

Вещи мои нашлись в том же шкафу, в котором Вадик взял для меня трусы и майку. Я отстегнулся от экзо и принялся одеваться. У него запиликал телефон, он сразу вытащил трубку из кармана и проговорил:

– Да, ждём.

Вадик убрал телефон и сказал:

– Уже идут.

Я успел одеться и снова пристегнуться к экзоскелету – который уже раз за утро – и в палату вошёл дед с объёмным пакетом, а за ним папка. Дед, оглядев меня весёлыми глазами, прогудел:

– Ты же ещё ночью в коме лежал! – и положил мне пакет на колени.

– Угу, – сказал я и вытащил из пакета большую шоколадку.

Сразу развернул с краю и откусил большой кусок. Так, что у нас там ещё? Персики, бананы, прочая фигня... Ага, печенюги... сок...

– Здравствуй, сынок, – ласково сказал папа.

– Пивет, – произнёс я с полным ртом.

– Как себя чувствуешь, Тёма? – участливо спросил отец. – Сможешь с нами поговорить?

– Угу, – уверенно кивнул я.

Дед посмотрел на Вадима, и тот деловито сказал:

– Тогда прошу за мной.

Я встал с кровати и с пакетом в руках вышел следом за всеми из палаты. Прошли немного по коридору, и Вадик привёл в комнату для совещаний. Мы расположились в удобных офисных креслицах за большим т-образным столом.

– Здесь нет систем контроля, – проговорил Вадим. – Не беспокойтесь...

– Сам беспокойся, – небрежно сказал дед и обратился ко мне. – Артём. Твой отец рассказал, что ты во время сеанса впал в кому. Через три дня очнулся, а потом пришёл сюда с пистолетом, чтобы улечься в вирткапсулу снова. Что это за игра?

Я прожевал печенюгу, запил соком и заговорил ровным тоном:

– Эта игра похожа на настоящий мир. Там всё по-настоящему. Первый раз я там как бы застрял, пропала кнопка выхода. Вместе со мной застрял Денис, мой одноклассник. Он тоже испытывал игру... – я перевёл взгляд на Вадима.

– Да, только ему удалось войти в твою игру, – проговорил он.

– В этой игре на нас напали враги, – продолжил я рассказ. – Мы сражались, и Денис ударил меня мечом в спину. А потом встал перед врагом на колени. Чтобы остаться в игре.

Я сделал несколько глотков из пакета с соком и заговорил

далее:

– Очнулся в больнице и думал, что это был просто коматозный бред. Но наша с Денисом общая знакомая Лена рассказала мне, что Денис тоже испытывал игру и впал в кому. Я решил помочь ему выйти из игры...

– То есть в вашей игре ты его грохнул? – уточнил дед.

– Да, – ответил я спокойно.

Дед посмотрел на Вадима. Он сухо сказал:

– Сегодня сообщили, что Денис очнулся ночью.

– Я посмотрел анимации, – заговорил дед и усмехнулся. – Чёрт вас побери, я и сам бы в это поиграл! Но коматоз – явный перебор.

– Мы работаем над безопасной версией игры для широкого круга пользователей, – проговорил папа.

– Да, ты говорил, – кивнул дед и снова уставился на меня. – Итак, Тёмка, давай посмотрим, что у нас получается. Ты взял в клубе пистолет и пришёл сюда со своей знакомой. Здесь вы взяли Вадима в заложники и потребовали провести к вирткапсуле. Через три поста охраны. Ты покалечил охранника...

– Что с ним? – спросил я смущённо.

– Он умер, – холодно ответил дед.

– Как?! – воскликнул я. – Отчего?!

– Оттого что стрелял в тебя, – раздельно сказал дедуля. – На поражение. Чтобы убить. Я видел записи с камер.

– Но ведь это был его долг! – горячо возразил я.

– Возможно, – пожал дед плечами. – Кстати, других охранников за то, что дали тебе пройти, просто уволили. А тот умер.

Он тяжело на меня посмотрел и проговорил очень серьёзно:

– Никто в мире не может стрелять в моих близких и жить после этого дальше.

Такого деда я ещё не видел! Он мне живо напомнил... Глыбу. Вот тот амбал на месте деда смотрелся бы очень гармонично! Они даже в чём-то похожи. Дед откинулся на спинку кресла и продолжил снисходительно:

– Из-за твоих художеств мне пришлось купить этот НИИ и фирмочку твоего папки со всеми патентами. Полтора миллиарда рублей на секундочку. Записи с камер уничтожены, ничего не было. Но я никогда не разбрасываюсь деньгами просто так, и ты, Артёмка, поможешь мне их вернуть. Э... – он обернулся к Вадиму. – Дружище...

– Мы планируем наладить выпуск игровых виртуалов и вирткапсул, – заговорил Вадик. – Для их продвижения запустим лайт-версию этой игры. А продвигать игру мы предлагаем тебе, Артём. Вместе с Леной и Денисом вести блог...

– И вести блог ты будешь в экзоскелете, – добавил папка. – Более того, мы снимем про тебя рекламный фильм. Экзо тоже ведь разработка фирмы.

Я угрюмо на него посмотрел, перевёл взгляд на деда.

– Я смотрю, ты хочешь отказаться? – благодушно прогу-

дел дедушка. – Пожалуйста. Но учти, что эта фирма – твоё наследство от меня. Когда отобьёте мои полтора ярда, я тебе её подарю. А если не хочешь... я для тебя и так сделал достаточно, можешь забыть и про меня, и про фирму. И про Дениса с вашей знакомой. Мальчик ведь уже в больнице, случатся фатальные осложнения. А девушка с горя выпрыгнет из окошка или отравится, юные особы такие экспрессивные, – дед криво усмехнулся и продолжил сухо. – Мы не можем допустить, чтобы обо всём этом знали посторонние, не вовлечённые в проект люди. Разумеется, тебя это не касается.

Такого деда я точно не знал! Что ж, взрослый мир приветствует тебя. Я прожевал очередной кусок шоколадки с печеньем и спросил:

– Что сейчас с Леной? Надеюсь, не в тюрьме?

– Тебе ж сказали, что ничего не было, – ответил отец. – Учится и ждёт, когда ты вернёшься. Кстати, для мамы ты со мной и дедом в турпоходе.

– Тогда нормально, – сказал я. – Конечно же, я согласен, – я обернулся к деду и со всей душой проговорил. – Спасибо тебе!

– Да ладно, – смущённо пробасил он. – Было бы на пользу, – дед вздохнул и сказал ласково. – Только не делай так больше. Хорошо?

– Хорошо, – ответил я.

И обоссался бы от умиления, если б не серьёзные лица Вадика и папки. Как-то их дедуля уговорил продать ему всё.

Они точно до меня разговаривали с дедушкой и тоже многое для себя открыли в этом мире...

* * *

Дедушка добродушно пожелал нам всем успехов, а мне персонально скорейшего выздоровления, и ушёл по своим важным делам. Я хотел его спросить, что с моим Кольтом... да как-то... ну, не тот момент. Не надо сразу после того, как пообещал больше так не делать.

Вадим пошёл его провожать до проходной, а папка сказал мне:

– Поедем домой?

– А где мой мотоциклетный шлем? – спросил я.

– Какой тебе шлем! – воскликнул он. – Сразу после комы!

– Уже десять часов прошло, – проворчал я угрюмо.

– Сынок, – ласково посмотрел на меня папа. – Мы же как бы возвращаемся из турпохода. Ты с мотоциклом прыгал с парашютом?

А это мысль! Надо будет попробовать как-нибудь потом. А сейчас папа, как всегда, прав. Я проворчал:

– Ладно, поехали, – и мы встали с кресел.

Вышли из кабинета, прошли по коридору, дальше проход перекрывали железные автоматические двери. Отец заглянул в глазок и внятно сказал:

– Иреев с сыном.

Двери открылись, и я увидел новый пост охраны. Двое автоматчиков в бронежилетах уже навели на нас стволы, третий за столом. Мы вошли, двери за нами закрылись, и только после этого мужик за столом нажал какую-то кнопку, и открылись выходные двери. Мы с папкой вышли, причём автоматчики постоянно держали нас на прицеле.

За нами закрылись двери, и мы пошли по лестнице вверх. Я помотал головой и растерянно проговорил:

– Вот ничего себе дела!

– Кто бы удивлялся, – проворчал отец. – Если что двери блокируются по сигналу с центрального поста охраны.

– А где он расположен? – спросил я с самым невинным видом.

Отец промолчал, только покачал головой. Вот в пристойном молчании мы миновали ещё два поста охраны, и вышли на первый этаж. Папа предъявил на вахте суровому деду с осанкой военного две смешные бумажки, одну сунул обратно в карман, а другую протянул мне:

– Твой новый пропуск. Не потеряй.

Я с покер-фэйс свернул документ и спрятал в карман. Надо же, даже пропуск заранее сделали! Хотя это, скорее всего, просто на всякий случай.

Прошли к отцовской машине на служебной парковке, уселись. Я без напоминаний пристегнулся, а папка включил двигатель и достал из кармана телефон. Ткнул в экран и почти сразу заговорил в трубку:

– Ир, привет! Мы приехали... хорошо... рядом сидит... Да не за рулём я с тобой разговариваю! Стоим ещё, сейчас поедem! Ладно... я тебя тоже целую.

Отец убрал свою трубку, открыл бардачок и вытащил мой телефон. Протянул мне, сказав:

– Позвони маме.

– А что я ей скажу? – спросил я, убрав трубу в карман. – Куда хоть мы ездили?

Отец, наконец, включил скорость, поехали. По дороге домой он рассказывал, куда мы ездили и что делали. Когда заехали в наш дворик, папка достал из багажника нашу «дорожную» сумку и с честным лицом пошёл «занести её домой». С нашей мамой всё должно быть достоверно. Пусть она ещё на работе, у нас же видеоконтроль.

Отец у дверей нажал кнопку звонка, открыла Ася и очень нам обрадовалась. Папка сказал, что только сумку занесёт и сразу поедет на работу, а я на сегодня в полном её распоряжении, у меня выходной.

Ася строго сказала, что ждёт меня на кухне в одиннадцать помогать ей готовить обед, а пока я свободен. Я кивнул своим покер-фэйсом и отправился к себе в кабинет. Уселся за рабочий стол и задумался, с чего начинать реальную жизнь.

Медитация и тренировки это само собой, но вот прямо сейчас мне не хватает кое-чего уже привычного, необходимого. Я достал телефон и набрал отца.

– Алё, пап, – сказал я. – Где моя карточка?

– В ящике твоего стола, – ответил он. – А тебе зачем?

– Выжигатель хочу, – честно ответил я.

Он фыркнул и отключился. Опять предок где-то увидел юмор. Я убрал телефон и открыл ящик. Карточка лежала сверху. Включил компьютер, зашёл на сайт торговли всякой всячиной. И заказал выжигатель. Ещё электролобзик, лист толстой фанеры, наждачной бумаги, бутылку морилки, лак и кисти. Всё оплатил карточкой с доставкой в ближайшее время. Обещали привезти через час или до конца рабочего дня.

До одиннадцати просматривал, что я за неделю пропустил в университете. Потом помогал Асе готовить обед, а как приготовили, вместе его и съели. Мистер Барс соизволил присутствовать и тереться об Асину ногу. Меня он игнорировал, но хотя бы не шарахался. Ася сказала, что это добрый знак.

После обеда я традиционно убрал со стола и вымыл посуду. Вернулся в кабинет, снова занялся учёбой. Прикола ради нашёл в сети виртуальные клавиатуры с древнеславянским и греческим алфавитами и по каждой лекции записывал выжимку по-древнегречески или на древнеславянском.

А вот древненорвежская письменность оказалась почему-то практически латинской. В принципе ничего особенно сложного, просто мне привычнее руническая, а её-то в сети не нашлось. Придётся просить папку или Вадика...

Позвонили из доставки, сообщили, что машина стоит у наших ворот. Я вышел, забрал покупки и отнёс в свой кабинет. Не теряя времени, расчертил фанеру и принялся вы-

пиливать ровные прямоугольники. Зашкурил края и сразу устроил в кабинете уборку – а то ж Ася не поймёт.

Карандашом нарисовал на прямоугольниках руны и аккуратно выжег. В этом мне хорошо помогла способность сосредотачиваться на своём деле, попутно наполняясь праной и направляя ци.

Раздербанил тетрадь, разложил листы на полу. Обрабатывал прямоугольники морилкой и раскладывал на листах. Ещё пару часов, пока сохли, посвятил учёбе, переводил то, что написал по-древнеславянский на древнегреческий и наоборот.

Покрывл прямоугольники лаком с одной стороны, залез в наш с мамой шкаф с рукоделием и взялся мастерить подобающий мешочек со шнурком. Снова сосредоточился, полтора часа как украли. Перевернул прямоугольники и покрывл лаком с обратной стороны.

Немного позанимался, посмотрел тексты на древненорвежском и переводы их на современный норвежский и русский. Больше осваивал непривычный алфавит и добился того, что строчки символов «зазвучали». Мне живо представились все – Хэлтор, Агвид, Герда, Акке, Дьярви, Магни... и Эйрин.

Блин! Каждый час здесь это двое суток там! Хотя с выходом из игры всех игроков она должна бы остановиться. По идее. Вроде бы. И нет же никаких гарантий, что в это не играет кто-нибудь ещё...

А эта мысль наводит на совсем грустные размышления. Вдруг да кто-нибудь так же играет и в нашей реальности? Тёма мой, например, откуда взялся? Не! Конечно, спокойнее всего считать его просто милой шизофренией...

Упс! Шесть часов. Я оправился на кухню помогать Асе готовить ужин. Мы, как всегда, справились молодцами, когда пришли родители, их ждал уже накрытый стол. Поужинали в обычном пристойном молчании, а за чаем мама высказала неудовольствие турпоходами посреди семестра, особенно всего через три дня после выхода из комы, и пообещала серьёзно поговорить об этом с дедом.

Я сказал, что это больше не повториться, сам не хочу, не нужно ругать дедушку. Она взяла с меня торжественное обещание и нехотя согласилась отложить разговор с дедом на время. Папа сосредоточенно пил чай, глядя на нас грустными глазами. Ему-то мама, наверняка, многое успела высказать.

После ужина мама предложила вышивать и слушать английскую классику на языке оригинала. Папе тоже, чтоб хоть немного оторвался от работы и побыл со своей семьёй. Я с покер-фэйс провёл их в свой кабинет. Попросил располагаться на диване, а я пока тут приберу.

Они расположились и молча очень внимательно смотрели, как я собираю руны в мешочек и сгребаю тетрадные листы в комок. Я выбросил бумагу в корзину. Достал из ящика пяльцы, нитки, иголки и вручил родителям. Нашёл в сети

скандинавские саги на древненорвежском языке...

Не, пели замечательно, но ведь слова коверкали, а то и во-все путали. Впрочем, предкам, вроде бы, нравилось. Я уселся на полу на колени, сосредоточился и выбросил горсть рун. Опять первым выпал «Гжагль»! Распятый, распутье. Но за ним «Исток» и сразу «Искра»...

– Вы в Скандинавию ездили? – спросила мама у отца вполголоса.

– Не, тут неподалёку, в Подмоскowie, – ответил папа.

– Тогда у Тёмы парашют не раскрылся? – заметила мама.

– Два раза, – печально сказал отец.

Нет, ну, везде одно и то же! Нигде нас, колдунов, не понимают. Хотя нам всегда было пофигу. Вот под «Гжаглем» «Каун», виселица, – это серьёзно...

Глава 2

Утром после завтрака я с отцом отправился в НИИ. Забрал у Вадика свой мотоциклетный шлем и спросил, в какой больнице лежит Денис. Вадим дал адрес, назвал отделение и номер палаты и заявил, что, раз я достаточно здоров для мотоцикла, он ждёт меня в НИИ после занятий.

В университет приехал до начала первой пары. Сразу за мной к аудитории подошла Оля, девочка со смешной причёской.

– О, привет! – сказала она. – А ты разве ещё не передумал учиться?

– Привет, – ответил я. – Ещё не передумал.

– Ну-ну, – проговорила Оля с усмешкой.

Я отвернулся – ещё не хватало что-то доказывать этой пигалице. Подходили ребята и девчата нашей группы, мы вежливо здоровались. И вот подошла Лена с квадратными глазами. Она заметила меня издали и оквадрила глазки заранее.

– Привет, – проговорила она еле слышно. – Как... ты?

– Привет, – сказал я. – Всё хорошо, расскажу после пар.

Наконец, начались занятия. Я с умным видом записывал лекции и без особого труда не замечал нервического Лениного состояния. Она сначала часто на меня оглядывалась, потом впала в меланхолию, писала в тетради с угрюмой мор-

дашкой, не поднимая головы.

Между пар я шёл сразу к аудитории, где должна проходить следующая лекция, а Лена бегала на улицу и, наверное, скуривала по три сигаретки подряд. Ну, судя по запаху – сидеть рядом было неприятно.

После занятий я отвёз её в бургерную неподалёку перекусить и поговорить заодно. Уровень заведения Лену явно не устраивал. Она держала себя, как принцесса в придорожном трактире. Огляделась, поджав губки, спросила только воды без газа и стаканчик.

А я взял двойную картошку, двойной гамбургер и бутылку колы. Вот пока я всё со вкусом не употребил, ей оставалось лишь тихонько вздыхать, грустно на меня смотреть и пить свою водичку маленькими глотками.

Я хорошо приложился к стакану с колой и спросил ровным тоном:

– Что там было после того, как я лёг в капсулу?

– Вадим сказал, что процесс запущен, – проговорила Лена. – Открылась капсула, ты лежал без сознания. Вадик кому-то позвонил, потом забрал у меня твой пистолет и повёл на третий этаж.

– Зачем? – уточнил я, приподняв бровь.

– Делать блог, – прошептала она и тихонько воскликнула. – Я делала этот несчастный блог всё это время... и мне ничего не объясняли!

– Молодец, – сказал я спокойно. – Значит, смотри, что у

нас получается. Денис очнулся...

Лена порывисто схватила меня за руку. Я аккуратно высвободил ладонь и продолжил:

– Мой дед купил НИИ и фирму, записи с камер стёрты, ничего не было...

Она прошептала, страшно округлив глазки:

– А разве так можно?

Я пожал плечами и сказал равнодушно:

– Сам в шоке. Эти олигархи совсем обнаглели.

Лена неуверенно улыбнулась. Я заговорил деловым тоном:

– Да и бог с ними. Фирма работает над созданием игры для всех на основе той, нашей игры. Нам, то есть мне, тебе и Денису, предлагают её продвигать, вместе вести блог...

– Здорово! – воскликнула она и со всей душевностью сказала. – Я всегда хотела, чтобы ты вернулся в проект!

– Дело не во мне, я-то как раз согласен, – проговорил я. – Дело в том, согласится ли Денис.

Лена удивлённо на меня уставилась, и я пояснил:

– Видишь ли, чтобы Денис вышел из игры, я его там убил. Натурально заколол мечом. Я просто не знаю другого способа.

– Но это же просто игра! – сказала она.

– Да, просто игра, – согласился я и серьёзно проговорил. – Постарайся, пожалуйста, объяснить это Денису.

По дороге в больницу остановились у супермаркета, набрали полный пакет шоколадных батончиков, каких-то пончиков, печенья, коржиков – Лена сказала, что выбирает по вкусу Дениса. Я скептически хмыкнул – по-моему, она судила по себе. Взяла то, что ей самой нельзя, но очень хочется. Добавил от себя кое-что посерьёзней: цыплёнка гриль и ананас для лучшего расщепления жиров.

На парковке возле больницы я предусмотрительно позвонил Вадиму, сообщил, что мы идём к Денису. Вадик сказал, что сейчас свяжется с кем нужно, нас пропустят. На входе в отделение неврологии действительно лишь попросили надеть халаты и бахилы.

Прошли мы немного по больничному коридору, зашли в обычную палату на четверых больных. Денис лежал возле дверей на койке у стенки справа. Он неотрывно смотрел на меня очень серьёзными глазами. Я спокойно встретил его взгляд.

Глаза в глаза. Как долго я ждал этого момента...

– Ой! А почему ты в общей палате? – пролепетала Лена. – Говорили же, что в реанимации!

– Сегодня утром перевели, – хрипло проговорил Денис, не отводя от меня глаз.

Лена подошла к нему и запричитала:

– Можешь сесть? Давай-ка... вот молодец! А мы тебе вкусненького принесли, – она оглянулась на меня. – Тёма...

Я поставил пакет на тумбочку. Лена вынула, что лежало сверху, ананас и цыплёнка.

– Что это? – просипел Деня, глядя на жареную птичку.

– Извини, рябчиков не было, – пошутил я.

Он снова тяжело уставился мне в глаза. Я скупно улыбнулся и добродушно сказал:

– Ну, дальше тебе Лена всё расскажет, а мне нужно в НИИ. Выздоровливай.

– Пока, – хрипло произнёс Денис.

Я вышел из палаты с чувством глубочайшего удовлетворения. Шёл по коридору и улыбался в душе, а Тёма довольно хихикал. Ни к чему пафосные речи. Волхвам достаточно просто посмотреть друг другу в глаза, и всё становится ясно. Кто из нас проигравший.

А в деталях распишет Леночка. Особенно выразительно будет звучать то, о чём она попытается умолчать. Трудно обмануть волхва, а Дениска всё-таки стал волхвом разума. Он умный, поймёт все недосказанности и то, что я на это рассчитывал. Пусть думает, что я понимаю, что он понимает, что я понимаю... ну и так далее.

Вот пусть подумает-подумает и примет предложение работать со мной и Леной в одном проекте – примет, никуда не денется...

Блин! На этом бонусы заканчиваются, и начинаются

неприятности. Мне просто придётся работать с ним и ждать нового удара в спину! Самым умным было бы сказать деду, что хрен с Денисом и Ленкой, мне наплевать на фирму и все проекты. Жить дальше самому, развивать то, что открылось мне в игре.

Но это же означает отказаться от возможности вернуться в игру! Конечно, полная глупость так рисковать, опять связываться с этим мутным Дениской ради игры. Но, в конце-то концов, что наша жизнь?

* * *

Из больницы отправился в НИИ. Поставил мотоцикл на служебной парковке и позвонил Вадиму. Он сказал, что ждёт меня в своём кабинете. Я с покер-фэйс предъявил на проходной пропуск и поднялся на этаж фирмы.

На рабочем столе Вадима стоял виртшлем. Я без всяких условий его надел и улёгся на кушетку. Ясно же, что перед тем, как о чём-то торговаться, нужно показать товар, хотя бы уголочек. Я максимально успокоился, сосредоточился и запустил воспоминания Сверра о его счастливом детстве.

Прокрутил всё до первого настоящего похода, когда он уже не только тягал весло, но папа ярл Гуннар разрешил ему участвовать в бою наравне с викингами. Парню было целых шестнадцать лет. Саму битву я вспоминать Вадиду не стал...

– Эй! А дальше?! – донёсся его возмущённый возглас.

Я снял виртшлем, сел на кушетке. Потянулся и благодушно проговорил:

– А что было дальше, вы узнаете в наших следующих передачах, – и сухо добавил. – Пойдём к вирткапсуле.

Вадим обернулся ко мне от мониторов на офисном кресле и пафосно воскликнул:

– Не! Ну, ты совсем охренел?!

– Да, – ответил я деловым тоном. – Только не говори, что ты не знал...

– Догадывался, – проворчал он.

– Я говорю, что ты же прекрасно знал, почему я согласился в этом участвовать, – добродушно сказал я. – Ты ж меня знаешь и хорошо понимаешь, что мне плевать и на Дениса, и на Лену, да и на тебя тоже. Я в этом участвую только из-за своей игры.

– Но ты же пообещал деду! – хрипло воскликнул Вадим.

– Я обещал только больше не наводить на тебя пистолет, – ответил я сухо. – Да и что мне дед? Пообещал подарить мне фирму, когда мы отобьём его затраты! А кто сказал, что он не передумает?

Вадик сдавленным тоном проговорил:

– Он меня убьёт.

– Ну, есть такая вероятность, – согласился я благодушно. – Но ведь она всегда будет, и это касается всех, – я заговорил душевнее. – Старик! Я ж тебе говорил, что сумел поставить игру на паузу и выйти. Ты ведь уже догадался, что это не

совсем игра... это настоящий волшебный мир! И у нас есть возможность туда проникать!

– Только у тебя, – поспешно поправил меня Вадим. – Лично мне достаточно мультиков.

– Тогда я вообще тебя не понимаю! – искренне воскликнул я. – Ну, где ты ещё найдёшь такого придурка, кто сам настырно туда лезет?!

– Э... Денис ещё... – задумчиво проговорил Вадик.

– Не будет Дениса, – сказал я спокойно. – Если ты не пустишь меня в капсулу.

Он удивлённо посмотрел мне в глаза и пробормотал:

– Так ты серьёзно, что ли... – Вадик отвёл взгляд и вздохнул. – Серьёзно, – он вздохнул ещё печальнее. – Ладно, убедил. Но давай хотя бы не сегодня?

– Сегодня, сейчас, – жёстко сказал я. – Если что покажешь деду запись нашего разговора, может, и не убьёт.

– Может, и не убьёт, – кивнул Вадим и криво улыбнулся. – Ты ведь большой уже мальчик, сам, без принуждения, взял на себя всю ответственность. Хорошо, пойдём.

* * *

Лена попросила у соседней по палате ножик и резала ананас, а Деня разбирался с цыплёнком. Он раздражённо думал, что шутка Тёмы про рябчика – просто шутка. Совпадение. Не может он знать, о чём Денис думал в игре.

Да Тёме, похоже, всё как всегда фиолетово, простецкая его натура. Его ударили, он вернул должок, и всё на этом. Денис даже почувствовал лёгкую обиду – уж он-то на месте Тёмы многое бы сказал...

– Вот попробуй с ананасиком, – поднесла Лена к его рту кусочек. – Очень вкусно.

Денис попробовал, действительно неплохо. Лена кормила его ломтиками ананаса и рассказывала, как она переживала. Ей сказали, что Дениса сбила машина, но она не поверила! И когда вдруг Тёма пришёл в универ...

С этого момента Денис стал слушать внимательнее.

Вот когда Тёма вернулся в университет, Лена вытянула у него, что он тоже испытывал игру и лежал в коме. А потом уговорила его вернуться в игру и помочь Денису...

Деня, натужно проглотив кусок цыплёнка с ананасом, поднял на неё глаза и глухо проговорил:

– Ты ему дала, что ли?

– Конечно же, нет! – пылко воскликнула Лена. – Как ты мог только такое подумать?!

Трудно соврать волхву в глаза. Денис смотрел на неё, а Лена горячо говорила, как она с Артёмом пришла в НИИ, а Тёма принёс с собой самый настоящий Кольт и заставил Вадима отвести его к вирт-капсуле.

Денис слушал, как эта дурочка сначала дала Артёму и потом помогала ему вернуться в игру, чтобы он смог убить там Дениса... и просто насмешливо посмотрел ему в глаза в

больнице. Тёма тоже волхв, прекрасно понимал, что эта зараза всё ему расскажет, и он всё поймёт.

Денис действительно хорошо понял, что Артём рассчитывал именно на это. Зачем ему говорить пафосные речи? Леночка всё сказала намного красноречивее.

– Артём настоящий друг! – говорила Лена с пылом. – Представляешь, его дед купил НИИ и фирму, и Тёма предлагает мне и тебе вместе вести блог, продвигать новую игру!

Деня покраснел и застонал, как от боли.

– Тебе плохо?! – встревожилась Лена. – Я позову врача!

– Не нужно врача, я лучше усну, – слабым голосом сказал Денис. – Мне просто нельзя ещё много разговаривать.

– Поспи, конечно! – горячо поддержала его Лена, вставая. – И не переживай, всё хорошо. Я завтра ещё приду!

– Пока, – сказал Денис, закрыв глаза.

Он почувствовал, как Леночка прошла на выход из палаты...

Сука!

Нет, не так.

СУКА-А-А-А!!!

Вот что теперь делать? Каждый день любоваться этими рожами и делать вид, что ему это очень нравится?! Под насмешливым, всё понимающим и безразличным взглядом Артёма! И эта курица опять будет его жалеть и говорить, какой он замечательный! Такой весь няшечка, такой умненький и обаятельный...

Толстый задрот.

Но как отказаться? Пусть он не станет никому рассказывать о проекте, всё честно забудет... дед этого гада запросто купил НИИ и фирму. С такими дедушками шалить очень вредно для здоровья, если ты не его любимый внук.

Да если даже Тёма его, Дениса, отпинал бы прямо в больнице – ничего б ему за это не было, дед отмажет. А если за Дениса возьмётся сам дедушка? Просто чтобы убрать только возможную опасность?

И пусть ничего ему не сделают физически, просто забудут про него. Учёба в университете стоит денег. А в этом университете все эти престижные детки относятся к Денису по-человечески только потому, что считают его другом Артёма, внука весьма уважаемого бизнесмена.

Денег на учёбу Денису хватит, а дальше? Кому будет нужен с этим несчастным дипломом...

Толстый задрот!!

В душе отчего-то потеплело. Да запекло просто! И Денис осознал простой ответ на все вопросы:

Ему просто нужно перестать быть толстым задротом.

Он улыбнулся – его злая гордость осталась с ним – и уснул спокойным сном.

* * *

Мы с Вадимом запросто прошли через три поста охра-

ны...

Блин! Чувствовал себя неуютно под прицелом автоматчиков. Особенно рядом с Вадиком. Хотя и шёл себе спокойно... без Кольта в руке.

Но зачем ведуну пистолет? В смысле взрослому ведуну для убеждения не нужно даже доброе слово, достаточно ласкового взгляда. Ну и, само собой, требуется оказаться в нужном месте в нужное время. Или создать всю ситуацию, как завещал старина Хэлтор.

Всё под контролем, прошли мы через посты охраны. Вошли в кабинет с вирт-капсулой, Вадик уселся за стол с мониторами, а я принялся отстёгивать экзоскелет. Потом снимать с себя одежду...

– Готово, – отрывисто проговорил Вадим и обернулся с креслом ко мне...

А я, блин, трусы снимаю!

– Старичок, – сказал он. – Может, просто кофе попьем? Надевай трусы и ну всю эту хрень в жопу!

Я решительно снял труселя и голышом протопал к вирт-капсуле. Улёгся и сказал:

– Поехали.

– Ты сам это решил, – донёсся печальный голос Вадима.

С тихим жужжанием закрылась крышка, я оказался в уютной тьме. Тёма в душе нетерпеливо заёрзал. Тьма наполнилась робкими искорками, они стали наглеть, мельтешить, разрастаться в рябь настройки и вдруг сменились белым све-

том. На его фоне проявились строгие буквы:

«Приветствуем, игрок!

Ты перешёл на третий базовый уровень.

Задача:

Уничтожить другого игрока.

За выполнение миссии:

3 таланта, распределение на твой выбор.

После успешного завершения в других миссиях в случае неудачи тебе уже не будет грозить вылет из игры. Ты вернёшься на первый базовый уровень.

Дополнительные бонусы:

За уничтожение лешака или вражеского тотемного воина
– 1 талант.

За уничтожение враждебного ведуна – 2 таланта.

Если уничтожение бонусных объектов связано с исполнением долга кровной мести – добавляется 1 талант.

Кровная месть – единственная угодная родным богам и предкам кровавая жертва!

Распределение бонусных талантов случайное.

Всего у тебя талантов:

Дух – 4 таланта.

Разум – 3 таланта.

Воля 4 таланта.

Это очень много!

И этого до смешного мало! Развивайся!

Базовый бонус:

Доступ к навыкам и памяти персонажа без прохождения ознакомительного уровня.

Помни условие базовых уровней:

В случае гибели персонажа до выполнения задания – вылет из игры без возможности вернуться.

У тебя есть возможность выйти из игры на время – просто нужно очень захотеть выйти.

В твоём времени ты должен вернуться в игру до истечения суток, иначе – провал миссии.

Удачи, игрок»!

Я внутренне напрягся. Тёма замер в радостном предвкушении. Белый свет и буквы погасли...

И что за фигня? Просто лежу себе на спине...

– Господи всемогущий! Будь милосерд! Да будь же ты человеком! – услышал я девичий голосок.

Вообще-то, детский, но точно девичий.

– Я же в тебя нафиг верить перестану, так и знай! – очень эмоционально говорила какая-то девочка...

По-древнегречески. Уже неплохо – хоть что-то более-менее знакомое.

– Спаси Артемиса! Ну, что тебе стоит! – взывала девчонка к богу. – Ты же зажёг все звёзды! Сотворил всё благое в мире! Так верни же мне братца! Он хороши-ы-ый!!!

Так. Лежу на спине, ручки на животе... гм. Что-то высоко-ковато ручки! Я чуть приоткрыл глаза...

Да ё... ж эту игру в её квантовый вычислитель! Вот это

мой живот?!

– Он больше не будет ругаться! – убеждённо говорила девочка. – И не станет много кушать и лениться!

Точно не стану... в смысле много кушать. А вот насчёт первой части не уверен...

– Господь всемогущий! – воскликнула девочка. – Пощади! Один ведь Артемис меня жалел и защищал! Только он! Я ведь прыгну с моста! На камни!

– Не вздумай! – сказал я по-древнегречески.

Девочка примолкла. Так, есть возможность разобраться в персонаже...

Меня погладили по пухлой щеке. Вот от прикосновения понял, что щека у меня пухлая!

– Артемис, – испуганно проговорила девочка.

– Да ожил я, ожил, – проворчал я, не открывая глаз. – Только ты, пожалуйста, не бойся.

– Я не буду! – пропищала она отважно и воскликнула. – Господь всемогущий!

– Посиди молча! – попросил я. – Давай хоть помолимся, что ли!

– Да, Артемис! – согласилась девочка. – Воздадим ему хвалу в сердцах наших!

Она, вроде бы, заткнулась. А я сосредоточился на мысли, как мне всё это не нравится. Прежде всего, нужно опробовать способность выхода из игры...

Картинку перед закрытыми глазами заполнила рябь. Точ-

ки слились в белый свет, на его фоне возникли строгие буквы:

«Прекращение сеанса по запросу игрока.

Если не вернёшься в течение суток твоего времени, миссия будет провалена.

До встречи, игрок»!

Глава 3

Крышка капсулы открылась, надо мной появилась серьёзная физиономия Вадима.

– Что-то случилось? – спросил он.

– Просто проверил, смогу ли выйти из игры, – ответил я. – Вот смог.

– Поздравляю, – сказал Вадик. – И что теперь?

– Запускай процесс снова, – проговорил я.

– И сколько ты собираешься играть? – уточнил он.

– Да всего пару дней, – сказал я.

– Сколько?! – воскликнул Вадим.

– Это игровых два дня, а в реале пройдёт час, – успокоил я его. – Давай уже включай.

– Угу, – ответил он и исчез из поля зрения.

Крышка, тихо жужжа, стала закрываться. Настала темнота, появилась рябь настройки и вспыхнул белый свет.

«Приветствуем, игрок!

Продолжение сеанса.

Удачи и приятной игры»!

Я ощутил себя, лежащим на спине, глаза закрыты.

– Артемис, – слышался шёпот сестрёнки. – Может, ты пить хочешь? Три дня уже лежишь.

– Да, хочу, – проговорил я.

– Я сейчас! – уже уверенней сказала девочка.

Я отчётливо ощутил, как она встала и вышла из комнаты. Полностью открыл глаза и огляделся. Ощущения меня не обманули, комнатку вернее было бы назвать конуркой. Длинной метра три, шириной два, потолок низкий, на земляном полу циновка из тростника, окон нет. На выходе вместо дверей тряпка, единственный источник света – лампадка у иконы на стене у меня в изголовье.

Лежал я на тюфяке, набитом соломой, под головой подушка с овечьей шерстью. Мозг персонажа подсказал, что это всё мои личные апартаменты в отцовском доме. А дом находится в огромном городе, столице империи, называется Константинополь.

Не! Ну, как тут не ругаться?! Мало того, что опять достался персонаж где-то у чёрта на куличках, так ему, персонажу, вдобавок всего пятнадцать лет!

В комнатку вошла сестрёнка с чёрненькой стройной женщиной среднего роста в синем платье чуть ниже коленок. Память выдала справку, что она мама Элеонора, а сестру, кстати, зовут Ларисой, и она тоже черноглазая и черноволосая, худенькая и маленькая.

Мама, глядя на меня большими выразительными глазами, принялась истово креститься, а сестра подошла, и поднесла к моим губам рожок. Я приподнял голову и с удовольствием потянул в себя воду, разбавленную вином. Ну, судя по вкусу и крепости.

Я напился и уронил голову на подушку. Лариса сказала:

– А теперь поспи. Проснёшься, дам тебе молока.

Я послушно закрыл глаза, мама и сестрёнка вышли из комнаты. Спать я, само собой, не собирался. С прошлой миссии хорошо усвоил, что требуется как можно быстрее полностью осознать память персонажа, вжиться в его шкуру.

Настроился, отринул все эмоции, запретил себе любое отношение к парню. До самой его гибели он – это я. Без страха, без надежды погрузился в воспоминания.

Начал, конечно, с общих положений. Отца звать Александр, он свободный эллин, и среди его предков никогда не было рабов. Ну, персонаж так считает и весьма этим гордится. Отпущенники и их дети считаются людьми второго сорта. Они не могут занимать выборные и государственные должности, им запрещено носить оружие, для них закрыт доступ в гимнасии. Но отчего-то большинство частных педагогов являются именно отпущенниками.

Хотя этот факт объясняется просто. При всём предубеждении Артемиса к рабам он признавал, что они всё-таки люди и у них есть какие-то мозги. Обученный ремеслу и грамоте раб стоит намного дороже простого подмастерья. Богатые владельцы вкладывают немалые средства в обучение своих рабов. И самым смышлёным рабам удаётся заработать на выкуп, получить право иметь семью и владеть недвижимостью.

Этим они весьма обогащают своих хозяев, поскольку ни за одного раба никогда не заплатят его полную стоимость – людям ведь свойственно болеть и даже умирать. А за собствен-

ную свободу рабы платят даже выше номинала и всю жизнь помогают своим бывшим хозяевам просто из благодарности за то, что они сообразовали их отпустить.

Артемис, мягко говоря, недолюбливал отпущенников. Они нанимают для своих детей педагогов, а он, свободный эллин, ходит в гимнасий, где преподают тоже свободные очень уважаемые эллины – его отец и соседи тупо по очереди практически за еду.

Это считается общественным долгом, а по сути, является просто помощью базилевса свободному народу. И в результате ему, Артемису, доступна лишь греческая грамота, а латинская папе уже не по карману. Про геометрию и науку о движении светил по небосводу лучше даже не мечтать.

Все выборные и государственные должности занимают только свободные люди, но вот их помощники, советники, секретари, писари – сплошь из отпущенников. Свободные не всё понимают в государственном управлении и сменяются на постах через год или два, а эти остаются. И без них не решается ни один вопрос.

Отец Артемиса Александр считается купцом. Он целыми днями сидит в своей лавке, торгует мукой, крупами, вином, оливковым маслом, сыром, орехами, изюмом и другими засушенными фруктами. Прибылей едва хватает, чтобы заплатить подати, купить хвороста и накормить семью чечевичной похлёбкой, лепёшками из той же муки с тем же сыром и сухофруктами. Артемис по полгода не видел мяса.

Цены диктуют крупные землевладельцы и богатые оптовики – они получают все доходы, а честным торговцам остаются сущие слёзы. И даже эти слёзы Артемису не светят, торговля достанется его старшему брату Гераклиту.

Братца парень недолюбливал даже немного сильнее отпущенников. Этот верзила дразнит его толстым и насмехается над сестрёнкой. Говорит, что её выдадут замуж за такого же недотёпу и неудачника, как Артемис. Да и то правда, ведь вряд ли отец соберёт для бедняжки хорошее приданное.

Артемис, как мог, утешал Ларису, пытался копить медяки и изредка покупать ей гостинцы. Но где взять монет свободному эллину? Он ведь даже не может предложить соседям помочь что-нибудь перетаскивать, как какой-нибудь отпущенник!

В результате связался с компанией мальчишек, сыновьями отпущенников. Ребята играли на монетки! Артемис тихом взял в отцовской лавке немного меди на время и попросился в игру. Его охотно приняли, и он даже выигрывал! Целых два дня.

А потом почему-то стал проигрывать, начал играть в долг... и в результате свободного эллина поставили на счётчик. Артемис стал избегать этих ребят, из гимнасия шёл сразу домой. Вот три дня назад его возле гимнасия и встретили те мальчишки.

Он пытался защищаться, но быстро оказался лежащим в уличной пыли. Его дружно и старательно пинали, было очень

больно, страшно и обидно. Среде бела дня свободного элли-на пинают выродки отпущенников! Артемис катался в пыли, закрывал руками лицо, и кто-то пнул его в затылок. Вспышка боли и темнота...

* * *

Да уж, сокровище мне досталось! Эх! И я ещё в прошлой миссии был недоволен Сверром! Пожалуйста – приличный молодой человек, даже христианин. Любит сестрёнку, почитает родителей, гордится своей страной. Практически идеал, а в деталях...

«После сборки обработать напильником». В данном случае сразу рашпилем. И проделать это нужно по возможности очень быстро! А то ж ведь в прошлой миссии Сверр не только был умнее и лучше развит физически, его не угораздило задолжать подростковой банде целых пять серебряных мелиарисий или сто медных нумий.

Столько натикало к моменту избиения, но то, что Артемис лежал без сознания, не могло считаться уважительной причиной остановки «счётчика». Придётся побегать. Я усмехнулся про себя – в данном случае с двойной пользой для здоровья. Худеть буду по бразильской системе.

Я сполз с тюфяка на циновку, уселся на колени и погрузился в долгую-долгую медитацию. Тело требовалось наполнить праной, оживить потоки ци. Парень не имел об этом ни

малейшего понятия и существовал на тонюсенькой ниточке духа. Неудивительно, что он болел каждую зиму, даже странно, что вообще прожил так долго.

Примерно через два часа я закончил медитацию. Этакое полено за один раз не оживить, мне предстоят долгие часы работы с силами духа. Но уже первый раз дал ощутимый результат, я почувствовал себя лучше.

Встал на ноги. Ощущается просто слабость, а голова не кружится, коленки не дрожат. Я вышел из своей конурки в узкий коридор, а через него прошёл во внутренний дворик. Полюбовался на предмет семейной гордости, оливковое дерево, и приступил к дыхательной гимнастике.

Двигался очень плавно, сосредоточившись на силах духа. Старался сохранять внутренний покой. Удавалось с трудом – у парня гибкость и растяжка, как у меня, когда я только встал в экзоскелете с кровати. Но я тогда хотя бы тянулся на рамке, а этот мальчик, видимо, даже не пробовал приподнять свою пухлую тушку от земли.

– Ой! А что это ты делаешь? – послышался голосок Ларисы.

Сосредоточился на себе и не почувствовал, как она подошла. Учтём на будущее, нельзя терять контроль над окружающим.

– Гимнастику, – ответил я.

– А кто тебя научил? – подозрительным тоном спросила сестрёнка.

– Никто, сам придумал, – сказал я и обернулся к ней. – А ты что пришла?

– Я зашла провести тебя в твоей комнате, – обиженно проговорила Лариса. – А тебя там нет! Пошла искать, вот нашла здесь. Пойдём, дам тебе молока.

– Пойдём, – улыбнулся я сестрёнке.

Мы прошли в столовую, по дороге в памяти всплыл план дома. Оказалось, что девочка имела в виду простоквашу. Мама купила на рынке специально для меня. А свежее молоко каждое утро возят из пригородов по заказу, и это по карману лишь состоятельным людям. Самим же содержать хотя бы козу получится ещё дороже – придётся возить для неё сено, пасти в городе просто негде.

Всё это само вспомнилось, пока я пил простоквашу из глиняной кружки. Смешно и грустно. Эти цивилизованные люди не видят молока, мяса и считают славян лесными дикарями, лезут учить их жизни. И с этим срочно что-то нужно делать.

Не, цивилизованные пусть думают себе, что хотят, требуется решать с питанием персонажа. На такой диете вообще удивительно, что пацана не обкидало прыщами. Ну, должна же в Царьграде быть хотя бы рыба, город-то морской!

* * *

Допил я простоквашу, поблагодарил сестрёнку и отпра-

вился в свою комнату работать с силами духа и вспоминать жизнь персонажа. Позанимался часа полтора, и сестрёнка пришла звать меня на обед.

За столом собралась вся семья. Я вживую увидел отца персонажа и старшего братца. Александр был обычным греком с курчавой головой, выразительными глазами, узким горбоносым лицом и аккуратно постриженной бородкой.

Гераклит же соответствовал своему имени ростом, шириной плеч и насмешливым, снисходительным взглядом карих глаз. Широкое, обманчиво добродушное его лицо с мясистым носом почти до глаз заросло чёрной курчавой бородой.

Глава семейства прочёл молитву и особенно возблагодарил всевышнего за моё выздоровление. Все, и даже братец, на полном серьёзе пропели:

– Аллилуйя! – и взялись за ложки.

Похлёбка на меня особого впечатление не произвела – заправленное мукой и каплей масла варево из чечевицы. А вот оловянная ложка показалась весьма подходящей. Выхлебав супчик, я незаметно спрятал её в рукаве хитона.

На второе все получили по лепёшке, куску острого овечьего сыра, горсти сушёных абрикосов и кружке воды с вином. Я спокойно съел всё предложенное. Батя Александр с улыбкой отметил, что я точно иду на поправку, лопаю уже, как здоровый.

Гм. Ну, всё относительно, смотря, что считать нормой. Для здорового жителя древнего Константинополя или здо-

рового узника концлагеря это, может, и нормально. Я, не выдавая разочарования, с покер-фэйс поблагодарил родителей.

После обеда я сразу направился во внутренний дворик работать с силами духа. Дом был сложен из камней, вот отломал у ложки ручку и сосредоточенно затачивал её об камушек. Но главное, конечно, работа с силами духа.

Всё как всегда просто. С такой тушей особо не побегаешь, да и глупо мне от кого-то бегать. Бедному Артемису достался слишком слабый дух, его должны были убить и всё-таки убили. Это ни хорошо, ни плохо, такова жизнь зверей, а подростки именно звери. Только они этого не знают... в отличие от меня.

Я хорошо понимаю, какой я зверь, и как настоящий зверь готов убивать за собственную жизнь. Тем более что это всё игра. И я не позволю каким-то виртуальным древним засранцам лишить меня возможности играть в это дальше.

Часа через полтора проверил остроту заточки. Надрезал край своего хитона и оторвал ленточку. Задрал рукав, немного напряг левую руку и правой рукой, помогая зубами, привязал заточку чуть ниже локтя. Теперь достаточно тряхнуть рукой, и остренькая штучка окажется в ладони.

* * *

Я отправился на женскую половину дома. Мама с сестрёнкой как раз рукодельничали. Попросил иголку с ниткой

и вернулся во дворик подшивать полу хитона. Пусть я несовершеннолетний и зайти к женщинам мне ещё можно, но Артемис уже давно старался не задерживаться на женской половине – он ведь уже большой. И как бы я снял при маме хитон? С привязанной к руке заточкой.

Снял свой балахон и уселся на колени. Сосредоточился на работе, не забывая наполняться праной и направлять ци. Закончив работу, отнёс иголку и нитки. Успел вовремя, мама и Лариса ещё были у себя.

– А вы за водой пойдёте? – спросил я.

Они очень удивлённо на меня посмотрели, у сестрёнки даже ротик открылся.

– Можно с вами? – улыбнулся я.

– Пойдём, – спокойно сказала мама.

Мы прошли в хозяйственное помещение, взяли по кувшину и направились из дому. Не, водопровод, он же акведук, в Царьграде, конечно, был, но подключиться к нему могли только очень богатые жители. Все остальные носили воду из общественных источников или таких бассейнов, уровень воды в которых регулировался городскими служащими путём простого открывания и закрывания крана. Они же собирали водяной сбор. Плати медную нумию и набирай воды сколько унесёшь.

За водой ходили только рабы и приравненные к ним отпущенники и женщины. Ну и теоретически это могли делать не достигшие совершеннолетия свободные. Однако подрост-

кам, как и взрослым свободным жителям империи, ходить за водой было попросту западло.

Организм персонажа поверить не мог, что действительно идёт по улице с кувшином на голове, и шевелился лишь из того соображения, что теперь это не его дело. На меня насмешливо поглядывали встречные, а я с покер-фэйс аккуратно перебирал ногами, придерживая кувшин рукой и стараясь не отстать от матери и сестры.

У источника стояло довольно много народу, в основном женщины, но оказалось и несколько рабов... и подростков. Те особенно ехидно улыбались, глядя на меня. Одного мелкого аж распирало пикантностью момента. Он был из той самой компании, что убила Артемиса. Я холодно на него взглянул и презрительно сплюнул себе под ноги. Показал, что не боюсь каких-то там деток отпущенников.

Мама поздоровалась с соседками и принялась обсуждать новости. Главной новостью, конечно же, был я, то есть Артемис. Три дня назад он бежал из гимнасия домой и упал, сильно ударившись головой. Так сказали добрые мальчики, которые всё видели и позвали на помощь взрослых. Прохожие отнесли Артемиса без сознания домой...

А где живёт Артемис, показали те самые мальчики. Учтём этот момент.

Вот Артемис сегодня очнулся и сам предложил помочь принести воды. Такой молодец! Ну, головой же ударился, может, пройдёт. Соседки смотрели на меня с сочувствием и вы-

ражали надежду, что всё это не помешает мне, то есть Артемису доучиться в гимнасии и стать полноправным подданным базилевса, храни его бог.

Я слушал с безразличным видом, словно говорили не обо мне. Наконец, подошла наша очередь. Мама протянула медную монетку полному бородатому греку, и я, встав коленями на мраморный парапет, посмотрел в бассейн. Интересно же, как выглядит персонаж.

Ну, не просить же бронзовое зеркальце у сестрёнки! А персонаж выглядел так себе. Не, в принципе обычный паренёк греческого типа – чёрные прямые волосы, прямой нос, пухлощёкий, в целом не урод. Но странно бледный, глаза запали и под глазами тени...

Мама подала мне кувшин. Я его утопил и потащил из бассейна за ручки. А силёнок у парня немного. Мама взялась за вторую ручку, и мы вместе поставили первый сосуд. Подошла Лариса, и мама помогла ей поставить кувшин на голову. Второй кувшин поставили на голову мне, ноги мои слегка подогнулись.

Свой кувшин мама наполнила и подняла на голову самостоятельно. Такая тоненькая! Она плавной походкой направилась к дому, за ней пошла Лариса, а за ними на полусогнутых тронулся и я.

Не, до чего же хорошая тренировка! Держим осанку, дышим носом, смотрим прямо и работаем с потоками духа. А припекает знатно! Так, мысли нафиг, думать ни о чём не

нужно, особенно о том, когда уже домой придём. Это нужно будет делать почаще. Только кувшин таскать не на голове. Неужели просвещённые греки не додумались до простого коромысла?!

Мне просто придётся этим заняться! Из памяти Артемиса стало известно, что семейство ходит в общественную баню раз в неделю, две нумии за посещение, а больше водные процедуры практически отсутствуют. Умываются все в одной лохани. Чёрт побери, совершенно неясно, как при таких делах парня всё-таки не обкидало прыщами!

Принесли мы воду домой. Мама сказала, что я молодец, прям никогда не думала, что я справлюсь. Кувшин, конечно, было жалко, но очень уж хотелось посмотреть просто из интереса. И у нас, вообще-то, хватает в хозяйстве кувшинов, только носить их некому.

Я солидно проворчал, что ничего в этом особенно сложного нет, и теперь я всегда буду ходить за водой. Мама с Ларисой принялись готовить ужин, а я отправился во дворик медитировать дальше.

Выполнял приседания с выпрыгиваниями, отжимания и упражнения для укрепления мышц пресса в максимальном темпе, пока хватало сил, потом тянулся в шпагате две минуты и начинал новый цикл. Когда начинали подкашиваться ноги и подгибаться руки, отдыхал, сидя на коленках.

Тёму не допускал, да он почти не ехидничал, тоже понимает, что достался нам самый низкий старт. Время есть. Всё

равно с пятнадцатилетним пацаном Эйрин ни о чём разговаривать не станет. Да и не в ней дело – у меня в задании тотемные воины, волхвы и одержимые. А с таким персонажем...

Гм. Интересно, а сколько бы мне в моей реальности потребовалось времени, чтобы подготовиться к схватке хотя бы с лешаком? Вот и не будем относиться к мальчику слишком строго, тем более что ему это уже фиолетово...

– Артемис! Пойдём ужинать! – раздался голосок Ларисы.

Вот опять задумался и не ощутил её появления! Я поднялся с колен и проговорил ласково:

– Иду, солнышко.

* * *

Ужинали варёными бобами с варёной рыбой. К воде, разбавленной вином, дали по лепёшке с сухофруктами, без сыра. Ну, правильно, рыба же была. И как только Артемис умудрился так распухнуть?! Видимо, энергосбережение было его кредо.

За вином с водой папа сказал, что, коли я уже так хорошо ем, завтра пойду в гимнасий. Только попросил больше не падать.

– Особенно головой, – весело добавил Гераклит. – Лучше носи её в сумке или вообще оставляй дома.

Я покладисто сказал, что подумаю над его предложением,

и отправился в свою комнатку.

– Сынок, не забудь помолиться! – проговорила мама.

– Да, мам, – ответил я.

Уже смеркалось, а у меня в комнатке было совсем темно. Лампадка не горела, и я отчётливо чувствовал, что икону унесли. Ага. Повесили её в изголовье, чтоб если что Артемис отправился по правильному адресу, а сейчас уже ни к чему жечь масло.

Ну, будем надеяться, что он туда и отправился. Я опустил-ся на колени и в его память честно прочитал «Отче наш». Мысленно попросил у парня прощения и пообещал обращаться с его телом аккуратно... то есть не во зло... ну, по возможности.

Отбросив все мысли, сосредоточился, добился максимального для себя покоя и долго-долго гонял силы духа. Спать залез на тюфяк с соломой. Выключился сразу и проснулся в пять утра.

Вот никакие петухи не орали, и в комнате было так же темно, но я точно знал, что сейчас именно пять утра. Надел сандалии и потопал на внутренний дворик. Ярко светила южная луна и горели звёзды, однако я доверился своим ощущениям. Ну, выспался ведь уже, значит, утро.

Начал с дыхательной гимнастики, перешёл к разминке...

Эх, как колодца не хватает! Я вздохнул и задумчиво посмотрел на звёзды. Кажется, точно бледнеют, и у луны утренний вид...

– Ты уже встал! – услышал я возглас Ларисы. – Я ходила тебя будить, а тебя опять нет! Ты тут звёздами любишься!

А я опять промухал её появление. Не, вот сейчас я, не глядя, её прекрасно чувствую, а появления почему-то не ощутил.

– Пойдём умываться, и позавтракаешь с нами, – сказала сестрёнка строго.

Я послушно пошёл за ней. Папка с братцем взрослые мужики, могут дрыхнуть до рассвета, а женщинам нужно успеть прибраться и собрать завтрак. Ну, а мне ещё топать до гимназия, да и то там первый урок гимнастика под руководством старших парней. Почтенные преподаватели приходят позже.

Умылся с мамой и сестрой в одной лохани. Уже хорошо, что не после братца. Из вредности тишком плюнул в воду. На завтрак была обязательная молитва, лепёшка, кусок сыра и вода без вина с горстью сухофруктов.

Сестра принесла мою сумку, с которой я ходил учиться. Вообще-то там болталась лишь восковая табличка и стило, ещё по идее полагалось носить что-нибудь перекусить. Мама завернула в тряпицу лепёшку и горсть сушёных абрикосов, положила фляжку с водой из высушенной тыквы.

Я решительно вынул тряпицу с лепёшкой и сказал:

– Спасибо, мам, как-нибудь до обеда потерплю.

– Как скажешь, сынок, – проговорила она удивлённо.

У Ларисы снова открылся ротик. Я ей улыбнулся, накинул

на плечо ремень сумки и пошёл из дому. Как-то непривычно быстро рассвело, когда пришёл в гимнасий, уже чувствовалось, что денёк будет жарким.

Гимнастикой занимались во дворе за оградой. Младшие просто дурачились, а старшие парни на всё снисходительно поглядывали. Я успел уяснить, что друзей у Артемиса не было, даже Андроник, его старший, кому вручили паренька под покровительство, на моё приветствие лишь сухо проговорил:

– Привет, рад видеть, что ты здоров.

На гимнастике Артемис обычно съедал лепёшку и сухофрукты, мрачно глядя на игры товарищей. Его не замечали. Одни ребята играли в чехарду или «слона», другие устроили «конный бой», а третьи затеяли пятнашки. Но ведь нет у меня лепёшки и сухофруктов! Я поставил сумку на землю и уверенно подошёл к пацанам, что гонялись в пятнашки.

– Принимаете? – спросил весело.

– Тебя, что ли, пухляк? – насмешливо спросил Теодор, шустрый востроносый паренёк, заводила. – Да ты же будешь вечно водить!

Я оглянулся на своего старшего. Андроник вынужденно за меня вступился:

– Возьмите Артемиса. Ставлю нумию на то, что он кого-нибудь запятнает до начала второго часа.

Целую нумию! Самую мелкую монету! Приятно, когда в тебя верят.

– Тогда я ставлю десять нумий на то, что это не случится, –

со смехом заявил старший Теодора.

– Ну, ладно, – задорно сказал Тео. – Ты водишь, Артемис.

Я сделал вид, что собираюсь ринуться за Теодором, он шутиливо шарахнулся от меня. Но я ведь чувствую положение всех. Резко присел на колено и с низкого старта ускорился в сторону другого мальчишки, что слишком надо мной веселился. Хлопнул его по плечу и с возгласом:

– Теперь водишь ты, – отпрыгнул в сторону.

Андроник расхохотался во всё горло, старший Тео проворчал:

– Ладно, ты выиграл. Но больше у него эта хитрость не пройдёт!

А пацан, осознав, что его запятнал пухляк, покраснел и бросился за ним, то есть за мной. Но я ведь волхв разума. Парнишка меня быстро догнал и просто не попал по мне ладошкой, я снова оказался не там, где должен быть.

Мальчишка повторил попытку два раза, и у него появились смутные сомнения в перспективности моей особы. На этот раз больше всех веселился Теодор, за что и поплатился – я исподволь подвёл к нему ведущего, тому нужно было лишь шагнуть и протянуть руку.

И, конечно же, Теодор ринулся на меня...

– Ставлю десять нумий на то, что Артемиса не запятнают до начала следующего часа! – азартно воскликнул Андроник.

Ему никто не ответил. Десять медяков – это уже серьёзно.

Тео тоже достаточно быстро понял, что пятнать меня слишком хлопотно и запятнал другого мальчишку. Тот пошёл по проторенной дорожке – побежал за мной...

Когда ведущим стал следующий пацан, я опять стоял и смотрел, как играют без меня. Действительно, какой смысл играть со мной в пятнашки, если меня не получается запятнать? Я задумчиво посмотрел на ребят, играющих в чехарду и конный бой...

Мдя. Точно не примут, слишком я ещё толстый. Но ведь никому не запрещается постоянно быть «лошадкой», меняются ребята просто из принципа. Как раз один худенький мальчишка остался без «лошадки», его напарник подвернул ногу. Я уверенно к нему подошёл и сказал:

– Покатать тебя?

– Не! – воскликнул он, качая головой. – Я тебя потом просто не подыму!

– Не надо меня поднимать, – сказал я серьёзно. – Просто будешь на мне ездить.

– Ну, давай попробуем, – в сомнении проговорил мальчуган. – Только ты не падай, говори, когда устанешь.

Он забрался ко мне на спину и мы ринулись в бой. Требовалось стащить противника с «коня» или обрушить обоих. Я без затей в три шага разогнался и боком пихнул другую «лошадь». Пацан на ногах устоял, но его всадник с испуганным криком свалился на землю. Хорошо, приземлился на четвереньки. Тут моего наездника схватили за шиворот и

потащили назад. Я резко развернулся и, крепко схватившись за его ноги, шагнул в сторону. На земле оказался второй...

Спешить всех я не успел. Объявили начало следующего часа, да и устал я прилично. Несмотря на утреннюю пору уже начинало припекать. Во двор вышел грузный грек и позвал всех в здание. Первым уроком была риторика. Сначала класс стоя повторял за преподавателем молитву во здравие базилевса автократора, опору и надежду империи.

Потом мы сели на скамьи, а учитель рассказывал, как важно для свободных людей уметь вести спор. В спорах рождается истина. А она всего важнее, несмотря на то, кто тебе друг. В спорах требуется сохранять голову, не поддаваться страстям, но и без чувства уверенности в правоте в спорах не победить. Нет смысла спорить о вещах, к которым нет чувства.

Ну и всё такое по кругу. Я без особого труда сидел ровно, с умным выражением смотрел на учителя, а сам незаметно засунул правую руку в рукав левой и поправлял заточку. Блин, чуть не выронил во дворе.

Учитель предложил немного поспорить о том, что первично – разум или чувства. Спорил он в основном сам с собой, спрашивая иногда учеников. Когда спросил меня, я ответил, что самое важное – любовь к базилевсу и православная вера.

– А из них что важнее? – уточнил он.

– Базилевс, конечно, – отрезал я.

С этим он спорить не стал, переключился на других ребят

и меня больше не трогал. Следующим уроком была философия. Другой полноватый грек, по данным персонажа, торговец вином, рассуждал о том что такое истина. Приводил изречения мыслителей, приставал к ученикам и ехидно комментировал их слова. Когда дошла очередь до меня, я заявил, что истина заключается в мудрых указах базилевса. С этим дядька согласился без комментариев.

Историю, что была третьим уроком, преподавал худощавый грек. Рассказывал об Александре Македонском и только стульями не кидался – не было в классе стульев. Он возбуждённо восхищался Александрией, жемчужиной империи, и сравнивал Македонского с более поздними римскими императорами. Тоже спрашивал учеников, что они об этих императорах знают. Ребята мычали, что они э... были императорами и э... потом умирали. Преподаватель едко комментировал ответы. Я же в свою очередь заявил, что самый великий из императоров – наш обожаемый базилевс.

Учитель со мной полностью согласился. Не, здорово всё-таки жить в автократическом обществе – всегда знаешь правильные ответы на любые вопросы.

«Слава автократору»!

Ну, может, не жить, а учиться точно проще. История была последним уроком, и завершил его преподаватель общей молитвой во славу императора. Мы перекрестились и направились на выход.

Я шёл обычным путём в одиночестве. Свернул на сонную

улочку таких же домиков, как наш. Прислонившись к стенке одного из них, стояли пятеро пацанов моего примерно возраста, то есть Артемиса. Отлипли они от стенки и вразвалочку приблизились ко мне.

– Да ты живой! – весело сказал самый рослый и плечистый белобрысый паренёк. – Очень хорошо! Деньги принёс?

– Нет, – сказал я.

– Тогда снова тебя отпинаем, – добродушно молвил парень. – И будем пинать каждый день, сука свободная, пока не отдашь долг или не подохнешь.

Он шагнул ко мне, взял за ворот и рванул к себе, проворчав:

– На колени, скотина!

Я ускорился ему навстречу, боднул лбом в нос и толкнул грудью. Веса в Артемисе всё-таки прилично, белобрысый от неожиданности упал на спину. Я упал на него, схватил его за плечи, прижимая к себе, и зубами вгрызся в горло.

Парни преодолели первое замешательство, но пинать стало некого – я перевернулся на спину, прикрывшись заводилой. На зубах захрустели хрящи, рот наполнился кровью. Стряхиваю его с себя, снова перевернувшись. Поднимаюсь на полусогнутые. Встряхнул рукой, в ладонь легла заточка. Рычу окровавленной пастью:

– Налетай, мразота, изуродую!

Пацаны испугано замерли. Я шагнул к ближайшему, прохрипев:

– Ну, иди сюда, ублюдок!

Паренёк отскочил от меня. Я перевёл взгляд на следующего, тот с места припустил по улице с воплем:

– Бешеный! Спасите!

Это послужило сигналом остальным, мальчишки без оглядки рванули прочь. Я побежал в обратном направлении. Свернул в проулок. Спрятал в рукав заточку. Вынул из сумки фляжку с водой и принялся смывать с лица кровь. Блин! Хитон весь в пыли!

Ко мне подошёл какой-то участливый грек. Спросил с тревогой:

– Тебе плохо?

– Кровь пошла носом, – сказал я. – Сейчас пройдёт.

– Это от жары, – заявил участливый грек. – Дома приложи к носу сосуд с холодной водой. Может, тебя проводить?

– Проводи, – сказал я. – Спасибо тебе, добрый человек.

Грек взял меня за плечо, и я пошёл немного покачиваясь. Позади раздались невнятные крики, на вопли спешили люди. На нас к счастью не обращали внимания. Когда отошли на приличное расстояние от трупа паренька с перегрызенным горлом, я от души поблагодарил доброго человека, пообещав за него молиться. Ну, если ему самому будет некогда.

Дядька пожелал мне удачно дойти до дому и развернулся по своим делам. Я же потопал домой с чувством выполненного долга. С долгами рассчитался, так что в гимнасий, вроде бы, ходить уже ни к чему. Но ведь скажут отцу, если не

буду ходить, а тот запросто может выгнать из дома.

И с долгами я рассчитался не полностью, только теперь придётся бегать не от этих добрых мальчиков, а за ними. Мне требуется мясо, то есть деньги на мясо...

Глава 4

На следующий день Лена после занятий приехала навестить Дениса в больнице, и ей сказали, что она может его забирать совсем. Денис раздал соседям по палате всё, что она ему привезла – печеньки, коржики, булочки, шоколадные батончики и фрукты. Медики написали документы...

Денис улыбался с диагноза – неизвестная патология мозга, симптомы – из-за стресса временами впадает в коматозное состояние. Ну, ему ведь предстоит лечить это в поликлинике по месту жительства, не могли доктора написать «ушиб головного мозга», которого не было.

Лена вызвала такси и повезла Дениса домой, то есть в их съёмную однокомнатную квартирку. Значит, привезла, предложила пока отдыхать, а сама отправилась в НИИ делать блог. Деня первым делом пошёл в душ.

В игре же он обливался холодной водой и обтирался снегом! Пусть тело было персонажа, как бы не жалко, но ощущалось ведь как родное. Денис разделся, грустно полюбовался собой в зеркало и залез в ванну.

Сначала включил горячую воду и повышал температуру до предела терпения. Практически сварился и включил холодную. Заставил себя стоять, не орать, дышать ровно. Губы сами собой шептали «Отче наш». На древнегреческом.

Повторил всё три раза и умудрился даже почувствовать

подобие удовольствия. Он это делает! На самом деле! И будет так делать всегда!

Его злая гордость в душе довольно снисходительно ворчала.

Вышел Денис из ванны с мыслью о кружке кофе с сигаретой...

Нечто в душе зарычало с нецензурными интонациями.

Не! Он же только просто подумал, что контрастный душ бодрит лучше кофе с сигаретой! В больнице ведь не курил почти два дня, не считая времени, проведённого в коме. Из отделения больных просто не выпускали.

Да и кофе ему особенно ни к чему, и так бодрячком. Его бедное сердце очень устало снабжать кровью этот глупый центнер сала, а сейчас к тому же ему предстоят нагрузки, чтобы от лишнего сала избавиться.

Денис устроился за столом, достал из ящика ноутбук, включил. Зашёл на сайт, где продавалось всё, что ему должно понадобится. Сделал заказы с доставкой в ближайшее время и оплатил со своей карточки. Затем полез разбираться, что он пропустил в университете, пока лежал в коме.

Грустно усмехнулся. Такая фигня! Особенно по сравнению с тем, что Денис узнал за неполных два игровых года, две недели коматоза. И сколько бы он мог узнать ещё, если бы не Артёмка!

Денис усилием воли заставил себя успокоиться. Не хватало только вдобавок испортить себе нервы из-за этого пара-

зита. Он, Деня то есть, жив, вот и нечего нагнать, просить у богов больше. Пока используем то, что уже удалось урвать у судьбы, а дальше будет видно.

Денис принялся просматривать лекции и учебные материалы с начала семестра. Прикола ради нашёл в сети виртуальные клавиатуры с греческим и древнеславянским алфавитами и записывал выжимки из прочитанного, то на древнеславянском, то на древнегреческом...

* * *

Лена возвращалась домой возбуждённо-радостная. Ей показали новую игру, и она спешила обо всём рассказать Денису, пока он сам всё не увидел... уже завтра. Открыла Лена дверь своим ключом, зашла и зависла с открытым ртом.

Денис в спортивных трусах и майке крутил педали на велотренажёре. Он повернул к Лене лицо и сказал:

– Ну, что застыла? Проходи.

Она сняла кроссовки, прошла и спросила:

– Купил?

– Угу, – ответствовал Денис, накручивая педали.

– А почему не беговую дорожку? – поинтересовалась Лена.

– Соседи снизу рехнутся, – сказал он. – Бегать нужно на улице.

Временно исчерпав вопросы, Лена прошла на кухню и

включила чайник. В лёгкой растерянности присела на табурет, поставила локоть на стол и, подперев щеку ладошкой, принялась ждать, когда закипит. Чайник с щелчком выключился. Она встала, достала банку кофе и крикнула:

– Тебе кофе покрепче?

– Вообще не надо, – слышался ответ Дениса.

Лена постояла, глядя на кружки, и заторможено вынула пачку сигарет. Щёлкнула зажигалкой, затянулась и выпустила дым. В кухню с очень серьёзным видом вошёл Денис и отрывисто проговорил:

– Дай-ка сигарету.

Она протянула ему пачку. Он одной рукой взял пачку, другой выхватил из её рта сигаретку и выкинул в форточку. А пачку скомкал и отправил туда же.

– Ты что? – пролепетала Лена.

– Не кури в квартире, – спокойно сказал Денис и повернулся на выход из кухни.

– Но я тоже плачу за квартиру! – воскликнула Лена ему в спину. – Эй! Я тебе говорю!

– Ещё раз тут закуришь, – спокойно ответил Денис обернувшись. – Табло разнесу.

Он сказал это таким тоном, что Лена ему сразу поверила. Денис ушёл к своему велотренажёру, а она опустилась попой на табуретку. Её Денис не мог это сказать! Тем более так уверенно! Это не её Денис... может, пройдёт?

А он проехал по счётчику десять километров, слез со

своего коня и отправился в ванную принимать контрастный душ. Вышел раскрасневшийся, благодушный. Прошёл на кухню, сел рядом с Леной, взял её ладошку двумя руками и, глядя в глаза, заговорил ласковым голосом:

– Обиделась? Не дуйся. Ты ж пойми, что мне-то никто табло разбить не обещал, самому нужно держаться. А тут ты с сигаретой! Бросай со мной, пользуйся случаем! Ну, что тебе эти сигареты? Детские понты и лишние расходы. Давай, соглашайся!

Лена грустно вздохнула и проговорила слабым голоском:

– Да я и сама понимаю, что надо бросать. Ну... давай попробуем.

– Отлично! – радостно воскликнул Денис и добавил деловым тоном. – Значит, табло я тебе разобью, если просто увижу где-нибудь с сигаретой.

Лена смотрела в его синие-синие, такие добрые глаза и верила каждому слову. После небольшой паузы она смогла отвести взгляд и сказать, чтоб переменить тему:

– Может, пиццу закажем?

– Я уже заказал роллов и суши, скоро привезут, – проговорил Денис нежно. – Раз мы бросаем курить, нужно избегать лишних калорий.

Лена вздохнула ещё печальней, но от комментариев воздержалась. Ляпнешь что-нибудь, и этот душевный псих пообещает набить лицо, если увидит с пирожком. Она вспомнила и внове оценила бургерную, где вчера ещё корчила из

себя принцессу.

* * *

Вскоре Денису позвонили, и он пошёл встречать доставку. Принёс на кухню несколько ярких коробок. Лена и Денис вместе принялись выяснять, что, где находится и как это есть. Лена притащила ноутбук, зашла на сайт ресторана, и они вместе сличали внешний вид продуктов и иероглифы.

Разбирались по ходу дела. Вкус был непривычный, но показалось вполне такое ничего себе. Роллы были с рисом и морепродуктами, суши просто рыба, а ещё маринованные побеги бамбука, редька, разные соусы. Настроение улучшилось, и Лена вспомнила о том, что хотела рассказать Денису.

– Мне сегодня показали новую игру, – заговорила она интригующим тоном. – Представляешь, у них специальные шлемы улавливают мысли!

– Вирт-шлемы, – сказал Деня. – Я ж тебе рассказывал.

– Да помню я, – махнула она ладошкой. – Но увидеть это на самом деле! Мы сегодня вели блог с Тёмой. Сказали, что тебя выписали из больницы, и ты скоро к нам присоединишься. Зрители в чате так радовались!

– Очень тронут, – проворчал Денис, пережёвывая японский голубец.

Ну и что с того, что капуста морская, суть ведь не меняется! Пусть тогда будет морской японский голубец.

– А Тёма сидел в экзоскелете, – со значением проговорила Лена.

– Интересненько, – ответил Денис. – Он же, вроде бы, из-за нежелания демонстрировать экзо ушёл из проекта.

– А теперь повзрослел и передумал, – сказала Лена и, выдержав паузу для интриги, заговорила делано небрежно. – Я тебе уже рассказывала, что его дед купил НИИ и фирму. Так Вадим, будто в шутку или оговорился, назвал Тёму владельцем. И знаешь, что он сказал?

– Что? – произнёс Денис, внимательно глядя ей в лицо.

– Артём сказал: «Об этом ещё рано говорить»! – торжественно сказала Лена. – Понимаешь? Ещё! Рано!

– То есть дедушка пообещал ему всё передать, – пробормотал Денис.

– Правда, здорово?! – воскликнула Лена с горящими глазами. – Считай, это будет наш общий проект!

Денис промолчал, опустив взор на суши. Ага, три раза общий! Да этот гад просто тащится, что его враг будет на него ишачить, ему просто некуда деться! Ну, пусть пока порадуются, и Ленке ничего объяснять не нужно.

– А что Тёма рассказывал о своём экзоскелете? – Деня сменил тему.

– Вот это самое интересное и есть! – азартно заявила Лена и принялась рассказывать. – Тёма в детстве после травмы вообще не вставал с кровати, и отец специально для него адаптировал военный экзо. Ну, такой тогда разрабатывали

в фирме. Заметь, управлялся аппарат обручем, прототипом вирт-шлемов. У них была проблема – слишком много времени уходило на обкатку, ну, чтобы экзо понимал мысли пользователя. Так Тёма обкатал свой агрегат по программе десантника – натурально прыгал с парашютом!

– Удивительно! – покачал Денис головой.

– А его папка придумал сделать на основе его экзо адаптирующую программу для любого человека, – сказала Лена. – И теперь экзо полностью настраиваются под любого человека всего за неделю!

– А вирт-шлемы? – уточнил Денис.

– Так ведь можно сделать экзоскелет как бы виртуальным! – проговорила Лена. – Только это будет не скелет, а персонаж. Надеваешь вирт-шлем и смотришь его глазами или по желанию видишь его со стороны. В боевых устройствах можно переключать камеры, использовать дополнительное оборудование, всякие тепловизоры или там лазерные прицелы, а в игре это всё будет магия.

– Ты уже пробовала? – серьёзно спросил Деня.

– Да, сегодня перед блогом игралась целый час! – сказала Лена. – И после блога немножко. Я училась ходить, садиться, наклоняться, поворачиваться. Муторное дело, но так интересно!

– А вколоть нано-боты тебе не предлагали? – уточнил Денис.

– Нет, – вздохнула она. – Я тоже о них подумала, но спро-

сильно побоялась. Ты же не должен был мне о них рассказывать.

– Правильно, и дальше не спрашивай, – согласился он. – А вирт-капсулы показывали?

– Да! – воскликнула Лена. – Представляешь, мы трое будем играть в капсулах, а первым бета-тестерам предоставят в пользование вирт-шлемы. Их потом можно будет купить со скидкой и в рассрочку или обменять на вирт-капсулы, – она вздохнула. – Но это прям очень дорого.

– Игрушки для богатеньких, – скривился Денис. – Да нам-то без разницы, у нас и так всё будет.

– Ага, – печально сказала Лена и смущённо призналась. – Слушай, курить хочется, просто сил нет!

– А мы сейчас попьем зелёного чаю, я специально заказал вместо кофе, – ответил Деня. – И пойдём в койку, – он для важности задрал палец. – Лучшее лекарство – секс. А потом сон.

* * *

Лена пришла в университет с Денисом. Мы поздоровались, как ни в чём не бывало. Перед первой парой Лена держалась как-то нарочито бодро, а Деня был необычно спокоен. По его облику я стал догадываться, какое впечатление должен вызывать мой покер-фэйс – как говорится, просит кирпича.

На лекции как всегда сидели вместе. Лена записывала с угрюмой сосредоточенностью, Денис отрешённо. И от обоих совершенно не пахло табаком. На перерыве между парами она бездумно листала ленту в телефоне, а он стоял, глядя пустыми глазами в никуда, явно медитировал. На улицу не ходили. И так все лекции.

А после занятий они пошли со мной в студенческую столовку. Денис взял супчик с сайрой и перловку с жареной камбалой. Ладно, без хлеба и его обычных песочных пирожных к кофе...

Но перловка, Карл! Главное ведь – всю съел с протокольной мордой. Попивая компотик, я добродушно проговорил:

– Всегда считал, что Деня и перловка – две вещи несовместные.

– Это ещё что! – мрачно ответила Лена. – Угадай, что он сварил на завтрак.

– Он?! – в «тихом ужасе» воскликнул я. – Сварил?!

– Сама в шоке, – проворчала Лена. – Так что, ты думаешь, он приготовил?

Я замер в ожидании сенсации.

– Овсянку, сэр! – проговорила она с ярко выраженной неприязнью ко всяким сэрам и пэрам.

Не найдя слов, я лишь покачал головой.

– А знаешь, что он делал до овсянки? – весело сказала Лена.

– Спал? – предположил я.

– Бегал! – воскликнула она. – Прямо ногами по улице!

– Мы бросаем курить и худеем, – миролюбиво произнёс Денис. – Лена худеет в превентивном порядке.

– Молодцы! – весело одобрил я.

– Вы оба психи! – заявила Лена.

– Сейчас все в мире психи, – сказал Денис. – Это нормально.

– Тёма! – с мольбой в голосе воскликнула Лена. – Поехали в твой клуб, постреляем! Так хочется кого-нибудь пристрелить!

– Извини, сейчас много дел, – ответил я. – Потерпи до выходных.

* * *

Признаться, я тоже с нетерпением ждал выходных. Наверное, отвык во время лежания в коме от своей прошлой «разорванной жизни». И как я только это терпел месяцами! Это же представить себе жутко – каждый день за час сна или игры проживать двое суток из чужой жизни и опять возвращаться к своим делам! Видимо, поначалу всё это казалось новым, интересным...

Да после «непрерывного прохождения» вряд ли что-то может вызвать у меня слишком сильные эмоции. Взять хотя бы первые дни после первого «провала в игру», когда я терзался сомнениями, на каком вообще нахожусь свете. А сей-

час «разорванность» просто раздражала и выматывала.

Я попросил Вадима перенести сеансы на вечер, чтобы после выхода из игры медитировать и сразу ложиться спать. Тогда бы игра стала частью сна. Но Вадик категорически отказался от сверхурочных. И папку не получилось уговорить укладывать меня в капсулу – он, видите ли, никогда на это не пойдёт, и у него тоже на секундочку есть семья.

О том, чтобы я сам укладывался, они и слышать не желали. Обязательно кто-то должен дежурить на случай, если я опять впаду в коматоз! Вопрос этот мог решить только дед, а его до выходных отвлекать не хотелось, всё равно ж по телефону толком ничего не объяснить.

В этот раз я выпал из игры в ночь на вторник, в среду навещал в больнице Дениса, в четверг вёл первый блог с Леной, а в пятницу ей уже захотелось кого-нибудь пристрелить. В субботу утром я созвонился с дедом и позвонил Лене.

– Привет, – сказал я, когда она взяла трубку. – Ты ещё хочешь пострелять?

– Привет! – ответила Лена. – Конечно, хочу!

– Тогда подъезжай к стрелковому клубу через часик, – проговорил я. – Не забыла, где клуб?

– Я помню, – ответила она и смущённо спросила. – А можно с Денисом?

– Можно, – сказал я добродушно.

Вообще-то неумно давать ему возможность научиться стрелять, но он же может и сам найти другой какой-нибудь

клуб. Пусть лучше стреляет у меня на глазах.

Через час я приехал на своей инвалидной коляске на парковку клуба. Лена и Денис уже ждали меня у дверей. Мы вместе прошли внутрь, я представил их как своих друзей. Лене опять дали «ПМ», а Деня выбрал «Беретту». Он сам купил себе и Лене патроны.

Мы прошли к моей ячейке, Кольт дожидался меня в ящике. Милый, добрый дедушка! Какая трогательная забота!

На огневом рубеже уже стреляла Оля с папой, узнал её по причёске. Подошли к ней поздороваться. Оля ужасно обрадовалась и сходу принялась учить Лену и Дениса. Я скромно отошёл и принялся расстреливать мишень от бедра.

Интересно у меня стало получаться, в голове будто появилась система наведения. На пистолет смотреть уже не нужно, я его просто чувствую, как и положение мишени. Траектории отчётливо себе представляю, словно рисую, и укладываю пули, куда нравится. Первым барабаном выбил в круговой мишени смайлик...

– Неплохо, – раздался за спиной голос деда.

– Привет, дед! – обернувшись, сказал я радостно. – Спасибо тебе за Кольт!

– Пожалуйста, – ответил он. – Я смотрю, ты с друзьями, не буду тебя отвлекать.

– Не-не! – возразил я. – Я всю неделю хотел с тобой поговорить.

– Ну, пойдём тогда в буфет, – предложил он.

Мы прошли в уютный зальчик, взяли в баре по стакану сока и расположились за столиком. Я без обиняков изложил проблему. Он отчего-то хмурился. Вынул телефон и сухо заговорил через несколько секунд:

– Алё. Здравствуй, Дима. Скажи, пожалуйста, ты русскую речь понимаешь? Очень хорошо! Тогда почему Артёму приходится обращаться ко мне для решения вопросов в его собственной фирме? – дед, кривясь, помолчал и проговорил сдержанно. – Он большой мальчик, сам сделал выбор... Мы заключили сделку... – он сказал неожиданно резко. – Засунь совесть себе в жопу! Где она у вас была, когда вы придумывали эту хрень?! И чем ты думал, когда втянул в это сына?! Молчишь? – дед вздохнул и продолжил спокойнее. – Короче так. Обеспечь Артёму всё необходимое для его работы... вот так-то. Ире передавай привет.

Дедушка убрал телефон и смущённо улыбнулся.

– Папа всё решит, не волнуйся.

– Ты сказал, что это моя собственная фирма, – проговорил я, задрав брови.

– Да сразу оформляли на тебя, – ответил он благодушно. – Но документы у меня в сейфе. И у вас мой финансовый менеджер.

– Спасибо, деда! – искренне поблагодарил я.

– Пока не за что, – хмыкнул он. – Ну, пошли, постреляем.

Глава 5

Забавные существа эти взрослые серьёзные люди! Я же ясно сказал Вадиму и отцу, что пауза в игре у меня не более суток, игре пофигу, что у кого-то выходные. И всё равно папа обиделся, что я наябедничал деду. Ну, судя по тому, каким тоном он со мной разговаривал. Позвонил мне сам и сказал сухо:

– Настрелялся? Теперь давай в НИИ.

А я только второй барабан расстрелял! и чуть-чуть начал третий Но делать нечего, пришлось прощаться с дедом и ребятами. Приехал в фирму, позвонил отцу ещё раз, он сказал идти в кабинет Вадима.

Вадик тоже выглядел невесело. Он, видите ли, хотел вывезти семью на природу. Только отъехали, и позвонил Димон, то есть мой папа. Пришлось бедняге высаживать жену и ребятишек и ехать на работу, а у него, между прочим, в багажнике маринованное мясо и походный мангал.

– Это хорошо, – сказал я. – Закончим тут и шашлыков пожарим на парковке.

Он странно на меня посмотрел, и я добродушно добавил:

– А я пива куплю.

Вадик тяжело вздохнул и перешёл к делу. Родитель мой в эту минуту переписывает код, чтоб я мог самостоятельно пользоваться вирт-капсулой, а Вадим, системный аналитик,

займётся со мной хозяйством.

– Погоди, – помотал я головой. – Какой код? Мы же собираемся эти капсулы продавать людям, их тоже кто-то должен в них укладывать, а потом нажимать кнопки?

– Всё-то тебе надо знать, – проворчал Вадим и принялся объяснять. – Я тебе говорил, что для людей будет обычная игра... в смысле обычная программа для обычных компьютеров. А у тебя изолированный квантовый процесс!

– Причём тут процесс? – осторожно спросил я. – Я ведь лежал в коме.

– Вот это и есть самое оно, – сказал Вадик с загадочным видом. – Понимаешь, квантовый вычислитель нельзя выключить, как человек не может отключить мозг. Мы с твоим папкой, когда ты выпал в кому, посмотрели характеристики. Так твой изолированный процесс работал! Вот тебя в капсуле не было, а по данным ты игрался.

– И когда я очнулся, процесс остановился? – осторожно уточнил я.

– Не то, что остановился, – проговорил он. – Скажем так, резко снизилась интенсивность.

– Интересно, – задумчиво пробормотал я и перешёл к делу. – Так каким хозяйством будем заниматься?

– Это тебе лучше знать, – хмыкнул Вадик. – Твой дед приказал обеспечить условия. Что тебе нужно?

Я высказал заранее заготовленные пожелания. Значит, чтоб это был только мой кабинет, входить разрешено отцу и

Вадиму, но с моего разрешения. Само собой, вирт-капсула, компьютер, санузел обязательно с душевой кабинкой, раскладной диван, шкаф для белья, шкаф для бумаг, стол, холодильник и микроволновка.

Вадик сказал, что фигня вопрос, сейчас организует. Всё поставят за счёт фирмы, а наполнять холодильник и менять бельё мне придётся самостоятельно. Вадим тут же позвонил и заказал дополнительное оборудование.

Вдвоём мы сходили в службу охраны, и Вадик представил меня строгому дядьке в деловом костюме и с выправкой военного как нового сотрудника с полным допуском. Вместе мы спустились через все посты охраны на секретный этаж, посмотрели тот самый кабинет, где я уже ложился в капсулу.

Потом встречали доставку и тащили раскладной диван, а потом холодильник, а то грузчиков магазина дальше вахты на первом этаже не пропустили. Я сбегал на вахту за микроволновкой, а Вадим забрал из своей машины маринованное мясо и положил пока в новый холодильник. Принялись перетаскивать из других кабинетов шкафы...

Не так я себе всё представлял. Реальная жизнь она такая... реальная.

Хотя ничего особенного, никто не преломился. Вадик спросил, всё ли меня устраивает. Я благодушно покивал, а он вручил мне ключи от кабинета и напомнил о рекламном фильме про мой экзоскелет. Мол, раз выходной всё равно уже испорчен, так не стоит терять время.

Сначала мы прошли в спортивный зал, Вадим пояснил, что здесь тренируются охранники и сотрудники НИИ. Ничего себе такой зальчик, мне понравился. Потом притащили в зал прожекторы и видеокамеру. Вадик принялся настраивать свет, попутно объясняя, что от меня требуется.

Мне предлагалось просто продемонстрировать, на что я способен в экзоскелете. Я бегал, прыгал, приседал, ходил колесом, становился на мостик, отжимался и вертелся на перекладине. Короче, устроил себе обычный урок физкультуры. Под конец съёмки Вадим смущённо проговорил:

– Чёрт знает, что такое. Если б я тебя не знал, никогда бы не поверил, что ты инвалид.

Я на это только пожал плечами. К счастью Вадиду позволил мой отец, сказал, что у него всё готово, и позвал на обед. Мы отнесли на место прожекторы и камеру, и Вадим проводил меня в рабочую столовку НИИ.

Надо же, с детства тут отираюсь, а в столовую пришёл первый раз. Я с интересом огляделся. Папка уже ждал нас за столом, за другими столиками сидели парни в форме охранников. Мы загрузили подносы, рассчитались на кассе и подсели к моему отцу. Поели молча и прошли в мой новый кабинет.

Первым делом папа мне показал, что требуется включить и куда кликнуть. После этого капсула откроется, мне нужно просто в неё улечься. Закроется сама, а после окончания сеанса, когда капсула откроется, я в течение минуты должен из неё встать, тогда у дежурного не загорится тревожный сиг-

нал. Так что лучше после сеансов не разлёживаться.

Я сказал, что всё это очень мило, и Вадик предложил на этом заканчивать. Он достал из холодильника своё маринованное мясо и очень серьёзно попросил в воскресенье его не дёргать. Папка смущённо пробурчал, что мы постараемся, и Вадим ушёл. А я подошёл к дивану и принялся отстёгивать экзоскелет.

– Ты чего, сынок? – удивился отец.

– Да сразу опробую твои переделки. Всё равно скоро заканчиваются сутки паузы с прошлого сеанса, – ответил я и добавил заботливо. – А ты домой уже езжай.

* * *

«Приветствуем, игрок!

Продолжение прерванного сеанса.

Приятной игры»!

Лежу на спине с закрытыми глазами. Прошлый раз как обычно поставил игру на паузу перед сном. И когда вернулся, как всегда припомнил игровые обстоятельства. Шесть дней уже здесь прожил и добился кое-каких успехов.

В плане физической подготовки, понятно, за столь короткий срок ждать результатов глупо. Работал, конечно, с персонажем, но старался не перегружать. Закаливал волю – мне постоянно жутко хотелось есть. Растягивал связки и занимался с силами духа – будет энергетика, пойдёт и всё осталь-

ное.

Но всё-таки нагружал, причём, с прицелом на скорейшую практическую отдачу. Тренировал удары, бил мешки с мукой и крупами в подсобке отцовской лавки, их же пытался ворочать для отработки бросков. Удары кое-как получались, а броски совсем не.

А для выносливости и общего развития вечером после ужина сделал коромысло. Попросту сбил с черенка лопату, всё равно стоит в хозяйстве без дела. В сарае нашлась довольно длинная верёвка. Отрезал длинную часть, расположил вдоль черенка и привязал её обрезками покороче. Потом ещё из двух кусков верёвки сделал петли и привязал их к ручкам кувшинов. А верёвки ещё оставалось изрядно длинные, навязал на ней узлов с небольшими интервалами.

Вот с утраца, как проснулся в пять часов, немного размялся и побежал к общественному источнику с мотком верёвки на плече, а поверх него коромысло с двумя кувшинами. Платить за воду я, разумеется, не собирался, да и служащий ещё не проснулся.

Вечером дядька последний раз открыл и закрыл кран, по дождал, пока горожане могли дотянуться до воды с парапета, опечатал колесо, да и пошёл домой. А водички, между прочим, в бассейне оставалось довольно много.

Прибежал я к источнику и опустил на палке первый кувшин. Легко наполнил и потащил вверх. Ерундовая, вроде, задача, но только если ты не свободный эллин пятнадцати

лет из древнего Константинополя, кто в жизни тяжелее ложки ничего не подымал. Чуть сам в бассейн не грохнулся, но вытащил на волевых. Без паузы и раскачки подвязал к палке второй кувшин и опустил его в бассейн. Попёр наверх, стиснув зубы.

Как вытащил кувшины, подвязал верёвку к стволу чахлой пальмы у парапета и сбросил конец в бассейн. Народу по раннему времени не было ни души, так я без стеснений снял хитон и прыгнул с парапета в воду. От души наплескался и полез наверх, хватаясь за узлы руками, ногами и зубами. Вот это было приключение!

Выволок пухлое туловище Артемиса на парапет и, как был голый, лёжа на спине, погрузился в медитацию для восстановления сил. Немного пришёл в себя, оделся, отвязал и смотал верёвку, подвязал кувшины к коромыслу, взял на плечо и потопал домой.

И с чего я думал, что с коромыслом будет сильно легче? Два ведь кувшина, а не один! Вот два раза и отдыхал по пути, несмотря на все свои таланты. Кувшины с водой поставил у дверей дома, отнёс своё коромысло в сарай и хорошо припрятал.

Признаться, воду я принёс вовсе не для семейства Артемиса. Взял один кувшин на голову и потопал к соседскому дому. По воспоминаниям персонажа, мама каждое утро жаловалась, что осталось мало воды, и взять её в такую рань негде. У соседей, должно быть, такие же трудности.

Артемис был настоящим сыном торговца, его натура чуть не закипела, когда я только подумал предложить сразу два кувшина воды. Память выдала справку, что ни одна хозяйка не заплатит за воду больше одной нумии и будет торговаться, пока за эту нумию не отдам оба кувшина. К тому же один кувшин ещё может оказаться теоретически лишним, а два наводят на подозрения.

Как хозяйки не сетовали на стеснённость в средствах, как ни стыдили и не обвиняли меня в вымогательстве, я слушал с придурковатым безразличием и отвечал только:

– Если вам не надо, я дальше пошёл.

Ну, что с меня взять – головой же ударился. Вот получил я монетки – деньги только вперёд – перелил воду в хозяйские кувшины и вернулся домой. Успел как раз вовремя, Лариса меня обыскалась и уже шла сказать маме, что я куда-то потерялся. Успокоил сестрёнку и на будущее попросил так из-за меня не волноваться.

Потом завтрак, пошёл в гимнасий. Меня позабавило, как быстро в городе разлетаются слухи. Ребята рассказывали, что вчера какого-то паренька, сына отпущенника, загрызла собака, прям перегрызла горло. У кого-то пёс сорвался с цепи. Его ищут, но вряд ли найдут – держать таких собачек могут лишь состоятельные люди.

После занятий никто меня не встречал и, когда я пошёл с мамой и Ларисой за водой, у общественного источника не заметил тех ребятков. Похоже, что теперь они стали меня из-

бегать. Ну, так и должно быть. Пожаловаться мальчишки на меня не могут, им же придётся рассказать, как они вымогали у свободного эллина деньги. Вот и пусть доводят себя страхами, а мне ещё требовалось поработать над собой.

Я и работал все эти дни по одной программе. Только с четвёртого дня игры вставал немного раньше и делал два рейса к общественному источнику. И сегодня пришёл на хитоне внутренний кармашек для монет. Так-то я деньги прятал в своей конурке, но завтра мне предстояли серьёзные расходы.

Подведя промежуточные итоги, психологически настроился на игровую реальность и сразу уснул.

* * *

Проснулся, как включился, через пять часов, то есть в четыре утра. Первый результат усиления духа – требуется меньше сна.

Выполнил дыхательную гимнастику, провёл короткую медитацию и отправился за коромыслом и кувшинами. С мотком верёвки и коромыслом на плече босиком побежал к бассейну. Первым рейсом после того, как набрал воды, ополоснулся.

Мне уже довелось с отцом и братом сходить в общественную баню. Пара нет, веников тоже, пива лучше даже не спрашивать, только вода тёплая. И ведь никакая баня не заменит утренних омовений. Я ж в своей реальности практически де-

сантник, а это вот почти фонтан.

Из бассейна вылез по верёвке без особых трудностей, персонаж привыкает. Оделся, поднял коромысло и бодрым шагом пошёл к дому. Отдохнуть уже не останавливаюсь. Поставил в сарайчике полные кувшины, спрятал верёвку и подвез пустые. Снова бегом к бассейну. В это утро решил сделать три рейса.

Я человек серьёзный, раз решил, так и сделал. Без перерыва на отдых отнёс воду четырём ближайшим соседям. Они уже мои постоянные покупатели, обошлось без лишних разговоров. Отдыхал, когда две новенькие хозяйки сетовали на стеснённость средств и обвиняли меня в вымогательстве, а я им туповато отвечал:

– Если вам не надо, я к другим пойду.

Управился до завтрака. Прошёл в столовую, только сандалии надел. Получил молитву, кусок сыра и горсть сухофруктов с кружкой воды. Пожелав маме и сестрёнке хорошего дня, потопал как бы в гимнасий.

Утреннюю гимнастику сегодня я решил прогулять. Всё же равно там никто со мной уже играть не хочет. Говорят, нет шансов. И эти дети всю дорогу обзывают Артемиса пухляком! Хотя последние дни скорее уважительно называют.

Во внутреннем кармашке у меня лежали двадцать две нумии, и шагал я в городской центр. В памяти Артемиса выудил, что бумага для прошений и доносов, а так же перья и чернила продаются в аналогах нашей «Роспечати». Паренёк

ходил в такую лавку с отцом, когда тому потребовалось писать прошение о приёме Артемиса в гимнасий.

Лист белой бумаги стоил целых пять нумий! И торговаться бесполезно – это государственная пошлина. Купил три листа, чтоб лишний раз не ходить, пузырёк чернил за две нумии и десяток перьев за три монетки. Не, это просто какой-то грабёж! Чёртовы бюрократы!

В гимнасий пришёл ко второму часу. С умной мордой уселся со всеми за стол, положил перед собой чистый лист, перо и чернила и воззрился на преподавателя. Ребята дружно уставились на меня, большей частью с открытыми ртами. Грек отчего-то выглядел смущённым.

Весь урок он через предложение прославлял базилевса, а я скептически на него поглядывал. В конце часа написал на листе, что он, имя и род занятий, подозрительно часто говорит об автократоре. На перемене во дворе дети избегали смотреть в мою сторону.

На следующем часе преподаватель меня усиленно не замечал. Я написал, что он, имя и род занятий, подозрительно редко говорит об автократоре. А третьим уроком была история, учитель вёл себя, как обычно. Я написал, что пока о нём, имя и род занятий, затрудняюсь написать что-то определённое, нужно продолжить наблюдения.

Последним был закон божий, на этом уроке я листик и чернила с перьями убрал в сумку и старался не отвечивать. О боге рассказывал настоящий священник, а к церковным

персонаж испытывал буквально телесный страх. Вот их-то как раз все отчего-то и считали осведомителями.

После уроков я пошёл домой, и день покатился по шаблону. Те же мои упражнения и занятия, да сходил с мамой и сестрой к источнику. Лишь за ужином, когда дошли до воды с вином и сухофруктов, папа Александр осторожно спросил, что я записывал на уроках, и кто мне дал дорогую бумагу.

Ух-ты, как кого-то припекло! Сразу доложили!

Я, честно глядя папе в глаза, заявил, что не могу об этом говорить. И не соврал ведь ни разу! Ну, как бы я ему рассказал, что тишком таскаю общественную воду и продаю соседям, а фокус с бумагой мне нужен просто, чтобы иметь возможность прогуливать этот дурацкий гимнасий?

Кто осмелится выгнать за непосещение открытого доносчика? Сразу заподозрят в нелояльности. Как хорошо всё-таки учиться в авторитарическом обществе! За наше счастливое детство спасибо, базилевс родной!

* * *

Вот на другое утро я притащил шесть кувшинов воды и продал их соседям. После завтрака как бы пошёл в гимнасий, а на самом деле свернул к общественному источнику. Выбрал позицию для наблюдения, навалился спиной на ствол дерева и занялся медитативным созерцанием.

Пришёл я немного рано, но мне совсем нетрудно уже

ждать часами. Глаза открыты, мыслей нет, работаю с силами духа. В прошлой миссии привык на весле драккара.

У парাপета стали собираться первые хозяйюшки. Накормили своих мужиков и отправили на работу, службу или учёбу, а сами пошли за водичкой первый раз за день. Второй раз пойдут уже после обеда.

Подошли мама с Ларисой, и вскоре после них пришёл служащий. Придирчиво проверил печать, громко гундосо проговорил:

– Во славу базилевса! – и открыл кран.

К нему выстроилась очередь. Через несколько минут вода в бассейне поднялась достаточно, и первые хозяйки наполнили свои кувшины...

Упс! А вот и мой клиент! Русоволосый, востроносый, карглазый худенький паренёк среднего роста пришёл в компании девушки и моложавой женщины. С четверть часа они простояли в очереди, о чём-то беседуя с другими хозяйками, наконец, наполнили свои кувшины и пошли, не оглядываясь. Просто трудно оглядываться с полным кувшином на голове.

Я, соблюдая почтительную дистанцию, тронулся за ними. Они свернули в проулок и вышли на улицу, идущую параллельно нашей. Вошли в приличный дом, а я занял позицию у стеночки в тени и снова принялся ждать.

В скором времени русоволосый паренёк вышел из дому, тревожно огляделся. Чудак! Что он мог заметить на солнце после домашнего полумрака? Вот и потопал деловым шагом

в мою сторону. Когда между нами оставалось всего пару метров, я шагнул к нему и нанёс ему прямой удар открытой ладонью в лоб.

Паренёк упал на спину, и я пнул его в бок, потом в живот, врезал в лицо, по спине. Он корчился в пыли у моих ног. Я тряхнул левой рукой, заточка оказалась в ладони. Присел рядом с ним на корточки, приподнял его голову за волосы, а острую штучку приставил к шее и слегка порезал кожу. Пациент в ужасе замер.

– Здравствуй, ублюдох, – сказал я ласково. – Хочешь что-нибудь сказать напоследок?

– Не убивай! – прохрипел он. – Ради бога!

– А ведь я тоже просил меня пощадить, – напомнил я задушевно.

– Прости! – жалобно заныл он. – Ради бога! Не убивай!

– Как тебя звать? – спросил я.

– Никон, сын мастера Макария, – проговорил он поспешно.

– Ты должен мне тридцать нумий, – продолжил я. – Согласен, Никон?

– Согласен! – ответил он радостно.

– Сегодня ты принесёшь их на то место, где я перегрыз вашему приятелю глотку, и будешь ждать меня, когда я пойду из гимнасия, – проговорил я благодушно. – Или уже этим вечером я тебя зарежу, мразь.

– Я принесу деньги! – горячо заверил меня парнишка.

– Вставай, – сказал я, поднимаясь с корточек.

Он встал на ноги, а я, убирая заточку в рукав, спросил:

– Кто из вашей компании живёт рядом?

– Паисий, – с готовностью ответил Никон.

– Пойдём к нему, – проговорил я. – Позовёшь его на улицу.

Мы прошли немного, через четыре дома я снова встал у стеночки в тени, а Никон пошёл звать приятеля. Тот был дома и охотно вышел погулять. Никон привёл Паисия, тоже русоволосого, худощавого и кареглазого. Я приветствовал его ударом кулаком в солнечное сплетение.

Далее психологическая подготовка ногами, к которой присоединился и Никон, и деловая часть. Паисий очень просил его не резать, согласился с долгом в тридцать нумий и повёл нас к третьему их приятелю Платону.

Он оказался смуглым и черноволосым крепышом, пинали его уже втроём, и парнишка был очень рад, что остался жив. Легко признал должок и повёл к четвёртому члену шайки Феодору. Тот тоже был смугл и черноволос, но стройнее Платона, и били его вчетвером. Так он счастьем своему не сразу поверил, когда бить перестали, и с радостью на разбитой моське заявил, что охотно заплатит мне за моральный ущерб.

Я ненадолго простился с ребятами и пошёл в гимнасий. Дело можно считать практически сделанным. Судя по их домам, ребятишки из приличных по местным меркам семей, просто как все дети отпущенников недолюбливают свободных.

Шайка держалась только на авторитете загрызенного мною белобрысого здоровяка, что детки и доказали, сдавая и избивая друг дружку. Друг другу они не верят, а без своей банды подростку на улицах беда – легко станешь жертвой другой какой-нибудь банды.

Я лучший кандидат в вожаки. Прежде всего, убедительно показал свою крутизну. Более чем убедительно. Во-вторых, наказание назначил с одной стороны справедливое, примерно столько же они все с меня и вымогали, а с другой вполне разумное. Придётся поднапрячься, но по тридцать нумий они наверняка сумеют украсть или выпросить дома. А скорей всего, припрятаны у них монетки на всякий случай.

В общем, довольный собой я с деловым видом пришёл в гимнасий к последнему уроку. Ничего никому не объясняя, уселся за стол и положил перед собой новый чистый лист. Ребятки на него выразительно посмотрели. Ну, у какого ещё честного свободного эллина может быть каждый день казённая бумага?!

В этот раз я слушал учителя со скучающим лицом и ничего записывать не стал. На сегодня достаточно одного «страха чистого листа», бумагу нужно поберечь – мне ж на самом деле её даром не дают.

Из гимнаasia к месту встречи шёл на кураже. Приведут ребятки с собой родичей или попробуют справиться сами? С подобным чувством я шагнул с борта «Отваги» на пристань в Грэйфэльхрин-фиорде. Навстречу наконецникам копий и дротикам тяжёлых самострелов. И ничего не преувеличение – тогда, как сейчас, пути назад не было.

Парни стояли, прислонившись спинами к стене того же дома. Я замедлил шаг и остановился, они подошли ко мне. Никон первый протянул мне руку и сказал:

– Вот твои нумии.

Я подставил ладонь, и он высыпал в неё монеты. Другие без слов отсыпали назначенный мною штраф.

– Без претензий? – солидно проговорил чёрненький крепыш Платон.

– Все претензии я уже высказал белобрысому, – ответил я небрежно и важно добавил. – А это ваши взносы в казну банды.

Пацаны удивлённо на меня посмотрели, и я принялся за разъяснения:

– Не, если хотите считать это вирой, считайте и проваливайте. А кто хочет быть в банде и заниматься взрослыми делами...

– Какими делами? – робко спросил Паисий.

– Сказали ж тебе, взрослыми, – солидно сказал Платон и участливо добавил. – Иди домой, детка.

– Сам иди! – огрызнулся Паисий. – А я в деле.

– Я тоже, – сказал Никон.

– И я, – проговорил Феодор.

– Хорошо, – проговорил я. – Тогда сейчас расходимся по домам, обед скоро. Вечером к шести часам собираемся возле общественного источника.

Пацаны солидно покивали и разошлись. Смешные! Шли в одну сторону, но с таким видом, будто друг друга не знают. Хотя...

Они походу только сегодня о себе что-то начали узнавать.

* * *

Обед начался как обычно, только за водой, разбавленной вином, мама смущённо заговорила:

– Аотемис. Одна соседка у источника говорила, что ты предлагал ей утром кувшин воды за нумию...

Я с покер-фэйс жевал сушёный абрикос.

– Я не поверила, у нас же никогда не было лишней воды по утрам, – продолжила мама. – Но потом другая соседка сказала, что тоже купила у тебя утром кувшин воды. А потом третья!

Интересно, досчитает она до шести?

– Артемис продал трём соседям за утро по кувшину воды? – весело уточнил отец.

– Вернее сказать, что продал трём соседям один кувшин! – фыркнул братец. – Но у него никогда не хватит на такое мозгов.

– Жара стоит ужасная, – проговорил я безразлично. – Кажется людям.

Сестрёнка ехидно захихикала. Мама ещё сильнее смутилась и опустила глаза. Интересно, кто меня сдал? Блин, спрашивать уже неловко. Ладно, потом спрошу у Ларисы и устрою болтливым заразам водную блокаду. К хорошему привыкают быстро, а отвыкать неприятно.

После обеда занимался медитацией, тренировками, сходил с мамой и сестрой за водой. Незадолго до шести взял в сарае своё коромысло, верёвку и две корзины, пошёл к общественному источнику. Меня уже ждали Никон и Паис, вскоре подошли Феодор и Платон. И я повёл свою новую банду на дело.

Дело касалось самого для меня в этот момент важного – питания. Артемис был истинным сыном торговца и торговую информацию впитывал, как губка. В его памяти нашлись интересные сведения.

Рыбу для продажи на рынке ловят ночью, а по утрам перекупщики забирают улов по дешёвке и сразу везут на рынки. Конкурировать с ними буквально опасно для жизни. Для себя же и на засолку или для сушки рыбу ловят с утра до

вечера, и никто рыбаков на пристани не встречает.

По пути я изложил ребятам план – мы просто купим рыбы, сколько сможем упереть, и предложим соседям всего лишь по двойной цене...

– Облезут соседи! – азартно заявил Платон. – Моя семья и сама возьмёт рыбку!

– И моя тоже! – сказал Никон.

Феодор и Паисий так же не видели смысла подкармливать соседей. Вопрос со сбытом, таким образом, был убит, толком не поднявшись. Всё складывалось замечательно, только топтать по узким кривым улочкам до рыбацкой пристани около семи вёрст.

Когда дошли, у моего воинства значительно поубавилось пылу. Но я ведь главарь или где! Волюнтаристским решением приобрёл три большие корзины кефали за семьдесят нумий. Две корзины пришлось брать собственно с корзинами, по пять нумий за штуку, а из третьей я перевалил рыбу в две свои корзинки.

Пацанам предстояло тащить по двое большие корзины. Из верёвки я сделал им петли через плечо и привязал к ручкам, а свои корзинки соответственно прицепил к коромыслу. Потопали, горестно сопя.

Прошли немного, и я скомандовал короткий отдых – парни начали запинаться. Малость подышали, я приказал продолжить движение. На следующем привале Паисий спросил, как мы поступим с прибылью. Поделим?

– Нет! – отрезал я сурово. – Нужно вкладывать деньги в развитие. Купим тележку.

– А где держать осла или лошадь? – скептически спросил Платон. – Да и пошлины за проезд в город немаленькие.

– Сами будем таскать, – сказал я. – Всяко легче, чем на горбу.

– У меня батя колёсный мастер, – проговорил Никон. – Договоримся недорого.

– Тогда по двойной цене слишком мало, – заявил Феодор. – Давайте хотя бы по тройной! Всё равно на рынках рыба раз в десять дороже!

Пацаны согласно закивали – им уже не казалась тройная цена чрезмерной. Ну, учитывая их труд. Я дал команду продолжить путь, парни засопели решительнее...

Часа за полтора дошли до дома Феодора. Он отнёс мою корзинку с рыбой, то есть половину большой корзины. Вынес пустую корзину и тридцать нумий. Сказал, что мама сразу будет жарить. Такая же история повторилась и с другими ребятами – рыбу забирали, не торгуясь, и сразу принимались готовить.

Возле дома Никона я назначил сбор банды завтра в шесть возле общественного источника – снова сходим за рыбкой. Пустые большие корзины оставили на хранение Никону, и я распустил повеселевших ребят. Ещё бы, за два часа мы заработали сто двадцать нумий или шесть серебряных мелиарисий!

К своему дому я пришёл в одиночестве с двумя корзинками рыбы на коромысле. Мама, конечно же, сразу принялась её жарить, а я рассказывал, что купили рыбу с друзьями на рыбацкой пристани. И если всем хочется, чтоб я и дальше носил рыбу, с папы всего тридцать нумий...

– Ты сын купца, сынок, – серьёзно проговорил Александр. – И ты станешь купцом. Не стыдись зарабатывать деньги.

– Чёрт! – воскликнул Гераклит. – Я готов поверить, что утром он продал трём соседям один кувшин воды!

Лариса весело засмеялась, мама добродушно улыбалась. Ужин, таким образом, немного задержался, но прошёл необычно весело, даже празднично. Жареная рыбка была – ммм! – пальчики оближешь! И её было много, я впервые здесь наелся досыта.

Гераклит пристал, что это за штука такая, на которой я притащил корзины, и не связана ли она с теми кувшинами воды, что померещились соседям. Трудно хранить секреты от родных, да и не такой уж это важный секрет. Я рассказал всё, как есть...

За столом долго не стихал смех. Батя и Гераклит хлопали меня, то по плечу, то по спине и хохотали во всё горло. Лариса заливалась колокольчиком, а мама попросила хотя бы один кувшин оставлять себе – воды вечно не хватает на утро.

После ужина я посидел во дворике в медитации и пошёл спать. Два дня игры, час в моей реальности. Я улёгся на свой

тюфяк, закрыл глаза и сосредоточился на желании выйти из игры. Перед глазами появилась рябь настройки, потом на белом фоне всплыли буквы:

«Остановка сеанса по решению игрока.

Если не вернёшься в игру за сутки своего времени, миссия будет провалена.

До встречи, игрок»!

Белый свет померк, с тихим жужжанием открылась крышка. Я сел и перекинул ногу через край капсулы.

– Как самочувствие, сынок? – раздался голос папки.

Я оглянулся, он сидел за столом и пил кофе. Ага, домой он поехал!

– Нормально, – сказал я, вставая.

Глава 6

Я сходил принять контрастный душ, оделся и тоже налил себе кофе. Не стал спрашивать отца, почему он не поехал домой, наоборот, пользуясь его смущением, принялся расспрашивать, что означают графики на экране монитора.

Папка пытался мне понятно объяснить значение всех этих «сигнатур фи», «разрывностей эта» и «вариативности пси»...

Не, три таланта разума – это, конечно, много. Но знания всё-таки тоже нужны, а я в квантовой физике разбираюсь поверхностно. Только сообразил на сравнении кривых, как оценить интенсивность процесса. Сейчас квантовый вычислитель поддерживал мой изолированный процесс «на холостом ходу».

Я бодренько заявил, что мне всё в целом ясно, и предложил ехать домой, а то мама там одна с Асей. Мы вышли из кабинета, я запер двери. Уже без лишних эмоций прошёл через три поста охраны...

Ну, какие могут быть эмоции, когда я недавно под прицелом автоматчиков тащил холодильник и диван? А потом ещё и за микроволновкой сбегал.

Вот вышли мы из НИИ, папка поехал на своей машинке, а я за ним на мотоцикле. Дома мама вязала шарф и слушала классическую музыку. Спросила только, как дела, мы с па-

пой хором ответили:

– Нормально.

И я отправился к себе в кабинет. Включил компьютер. Первым делом перенёс свои записи по учёбе на «облако». Поработал над курсовым проектом, почитал материалы по программе. Потом сходил в зальчик, устроил себе настоящую тренировку. Та, что была в НИИ, конечно, не считается. А хороший там всё-таки зал. Нужно узнать расписание его работы, чтоб не смущать народ своим экзоскелетом...

В общем, до шести занимался рутиной, помог Асе приготовить ужин, а после ужина вымыл посуду и слушал с родителями хоровое пение. На немецком языке.

Плохой симптом. Мама ещё и спросила, как мне нравится. А когда я ответил, что пойдёт, она стала меня убеждать, что немецкий язык очень полезный и интересный, совсем несложный, не сложнее древненорвежского...

Похоже, что придётся всё-таки перебираться на жительство в НИИ. Домой буду ходить в гости, слушать с мамой эти хоры. Может, действительно найду время, чтобы учить немецкий. Для мамы.

В девять я сказал, что мне пора в НИИ. Мама воскликнула, что уже поздно, а папа проворчал, что по вечерам вместо НИИ мне лучше ходить в ночные клубы, знакомиться с девочками – я ведь большой уже мальчик. Я попросил за меня не беспокоиться.

Сходил в кабинет, уложил в рюкзак мешочек с рунами, по-

стельное бельё, полотенца, туалетные принадлежности. Вышел из дома, оседлал мотоцикл и выехал на вечернюю улицу. По дороге заехал в круглосуточный супермаркет, купил готовой еды, чтоб только разогреть. Около десяти приехал на служебную парковку.

С традиционным покер-фэйс прошёл через проходную, миновал три поста охраны. Зашёл в кабинет и закрыл замок. А то мало ли кто зайдёт, пока я в капсуле... в субботу вечером. И не паранойя это, просто последствия игры – викинги все параноики.

Рюкзак положил на диван, уселся за монитор. Набрал пароль и включил процесс в режим готовности. Крышка капсулы открылась. Встал, отстегнул экзоскелет и разделся, аккуратно сложив вещи на диване. Прошёл к капсуле, улёгся. Крышка сразу стала закрываться. Вот теперь-то я поиграю по-настоящему! Дней шесть или недельку...

* * *

«Приветствуем, игрок!

Продолжение прерванного сеанса.

Приятной игры»!

Рябь растаяла, вот я и дома. В смысле в домике. Спать охота! Ну, так даже глаза закрывать не надо, уже закрыты, сразу провалился в сон. Что-то снилось, ничего не запомнил. Встал отдохнувший и приступил к разминке, дыхательной

гимнастике, перешёл к медитации.

Артемису ещё требуется медитировать для эффективной работы с силами духа, желательно сидя и в одиночестве. Пока обстоятельства позволяют, можно и время потратить. Хотя всё-таки нужно быстрее учиться делать это на ходу. Обстоятельства в игре бывают такие переменчивые.

Взял в сарае верёвку и коромысло с кувшинами и босиком побежал к общественному источнику. Сначала набрал воды, потом разделся и прыгнул в бассейн. Наплескался, вылез по верёвке. Оделся и понёс кувшины на коромысле домой. Первые два кувшина сразу отнёс на кухню. Семья прежде всего, у мамы всегда должно быть достаточно воды.

В хорошем темпе сделал ещё два рейса к источнику и понёс кувшины соседям. Первым четырём. Последние две хозяйки пусть сами себе носят, не будут болтать лишнего. Таким образом, закончил раньше обычного, завтрака пришлось подождать. Посидел во внутреннем дворике на коленях в медитации.

На завтрак была традиционная молитва, лепёшка, холодная жареная рыба, сухофрукты и вода. Мама сказала, что рыбы ещё останется на обед. Не, здорово, конечно...

Только порадоваться этому почему-то не получилось. Нам бы ещё хотя бы молока! А то Лариса вон какая бледненькая и худенькая.

После завтрака я отправился в гимнасий. Как бы. То есть вообще-то в гимнасий, только не прямо сразу, зашёл в об-

щественные сады или городской парк. Там романтические юноши гуляли с девушками и читали им Гомера, философы размышляли о сути вещей, а государственные мужи отдыхали от своих учреждений и, наверное, принимали взятки. Поэтому, самое для этого подходящее место.

А я ушёл подальше от центральных аллей и принялся работать с персонажем всерьёз. Серия упражнений в максимальном темпе, две минуты отдыха. Три цикла или полчаса, пока не стали дрожать руки и ноги. Потом долгая часовая медитация и ещё разок всё сначала.

На третий подход времени уже не хватило. Последним уроком сегодня закон божий, а его прогуливать никак нельзя. В гимнасий практически бежал, успел к началу перемены. Ребятишки меня будто не заметили.

Пришёл отец Никодим и позвал всех в класс. На его уроках самое главное было не уснуть. Рассказывал он добрым, спокойным голосом, к ученикам с вопросами не лез. Ребята морщили лбы, силясь понять, о чём говорит батюшка, и, бже упаси, не зевнуть. А я спокойно на него смотрел честными глазами, понять или запомнить что-то даже не пытался, вообще ни о чём не думал, наполняясь праной и направляя ци.

В конце урока ребята встали и торжественно провыли за батюшкой молитву во здравие базилевса. Отец Никодим отпустил класс и тем же монотонным голосом проговорил:

– Артемис, задержись.

Одноклассники, старательно на меня не глядя, вышли. Я подошёл к священнику.

– Давно ли ты исповедовался? – спросил он.

– В позапрошлом воскресенье, отче, – пробормотал я.

– Давно, – добродушно сказал батюшка. – Как на исповеди, скажи мне, зачем ты принёс в гимнасий листы и что в них записывал? Тебе это кто-то поручил?

Я отчётливо понял, что выдумывать нельзя категорически.

– Мне никто не поручал, а записывал всякий вздор, – смиренно ответил я. – Прости, батюшка, мне скучно ходить в гимнасий. Я подумал, что, если меня будут считать доносчиком, побоятся выгнать за прогулы.

До меня не сразу дошло, что это за звуки издаёт священник. Я несмело поднял глаза... он хихикал!

– Надеюсь, на законе божьем тебе нескучно? – ехидно уточнил священник.

– Вот только на твоём уроке нескучно! – искренне заявил я.

– Очень хорошо, – проговорил отец Никодим. – Тебе больше не нужно покупать дорогую бумагу и пугать почтенных преподавателей – можешь не ходить на их уроки, если тебе там не нравится. А вот на мои занятия приходи обязательно. И после уроков мы иногда будем беседовать... – он сделал вид, что задумался. – О чём бы нам побеседовать? Во! Давай-ка поговорим о твоих друзьях. Ведь у тебя есть

друзья?

– Да, отче, – сказал я.

Отец Никодим подошёл к своему столу, взял два чистых листа и протянул мне.

– К следующей нашей встрече напиши, как вы познакомились, как их зовут, где живут, чем занимаются родители. Какие у них планы в жизни, как относятся к церкви и базилику.

– Да, отче, – смиренно проговорил я, взяв листы.

– Ну, ступай с богом, – ласково отпустил меня добрый батюшка.

Из гимназия я шёл задумчивы-ы-ый! То, что батюшке моему рассказали об этих листиках, вполне естественно, а священнику ведь совсем другое дело. Похоже, что отец Никодим не стукач. Стучат как раз все остальные почтенные преподаватели, они же свободные эллины, а батюшка кто-то вроде особиста.

Значит, свободные эллины преподают в гимназии, их детки наверняка тоже беседуют с батюшкой. Разве что писать он их не просит, а я другое дело – гимназий прогуливаю, дружу с теми, кто в гимназий вообще не ходит. Автократия никого не оставляет вне контроля.

Нельзя исключать, что отпущенников уже контролируют как-нибудь иначе. Я бы на месте властей завербовал частных педагогов. Но для автократии контроль хорошо, двойной лучше, а тройной лучше двойного.

Вряд ли мои ребятки «на связи», скорей всего, они об этом даже не думают. И очень зря не думают – болтают языками без толку. Нужно будет поговорить с ними, чтоб болтали строго по методичке то, что я про них напишу доброму батюшке.

* * *

На обед была чечевичная похлёбка и холодная жареная рыба. Мама грустно сказала, что на ужин рыбы уже не осталось, и Лариса простодушно вздохнула с явным облегчением. Батя и братец сидели с невозмутимыми лицами, но явно от этого известия не расстроились. Я всё-таки уточнил, надо ли сегодня вечером тащить рыбу.

– Наверное, через недельку, сынок, – добродушно сказал отец. – Она у тебя хоть и намного дешевле, чем на рынке, но для нас тридцать нумий каждый день многовато.

– Плюс чтоб пожарить хворост, мука и масло, – добавил Гераклит.

Я спокойно кивнул. У парней, скорей всего, похожая ситуация, придётся обращаться к соседям. Начнём с соседей Феодора, он живёт ближе всех к пристани.

После обеда в основном медитировал и поработал над гибкостью и растяжкой, силы требовалось поберечь на вечер. Только ходил с мамой и Ларисой за водой, но это уже больше развлечение. Пытаюсь нести кувшин на голове, не

придерживая рукой. Пока лучший результат десять шагов, и приходится ловить. А в идеале должен нести кувшин на голове и играть на дудочке. Кстати, надо будет спросить у пацанов, может, кто-нибудь умеет играть.

Незадолго до шести взял верёвку, коромысло с корзинками и направился к общественному источнику. Банда моя уже собралась. Ребята меня порадовали, Никон и Платон принесли с собой пустые корзины и широкие длинные ремни из нескольких слоёв прошитой грубой ткани. В мастерских их отцов такие использовались для переноски тяжёлых крупногабаритных вещей. Отец Никона колёсный мастер, а батя Платона мастерит мебель.

Моток верёвки я повесил на плечо, под коромысло, и мы пошагали на пристань. По пути разговорились, ребята первым делом сказали, что их домашним рыбы пока не нужно. Сообща решили пройтись по соседям.

Вторым пунктом Никон печально заявил, что с тележкой походу облом. Его батя назвал цену в два золотых солида или двадцать серебряных мелиарисий. Целых четыреста нумий! Говорит, что на городских улицах, мощённых булыжником, обычная деревенская телега с колёсами, неподвижно закреплёнными на оси, долго не проживёт. Да и мы такую телегу устанем таскать.

Нужны подвижные колёса на втулках из особого, дорогого сплава, и ось требуется непременно кованная. Вдобавок к этому сами колёса должны быть большими, с железными

спицами и ободами. Максимум, на что может пойти его папа – это оплата в рассрочку. Один солид сразу, второй в течение недели.

Я заявил, что у нашей банды уже есть двести сорок нумий, да сегодня, даст бог, поднимем. В общем, сегодня и занесём двести монет. Никон солидно проговорил, что тогда уже завтра вечером пойдём за рыбой с тележкой, у его бати все детали всегда есть в запасе, остаётся только собрать и сделать простенький кузовок.

Феодор выразил сожаление, что мы ходим за рыбой вечером, а не утром. Вот у него дядя в нижнем городе жарит беляши и кебабы прямо на улице, и его жена сразу продаёт. Жареная рыба тоже бы хорошо пошла.

– Я в мастерской у отца помогаю, – проворчал Платон.

– И я тоже, – поддержал его Никон.

– А к нам по утрам приходят педагоги, – сказал Паисий.

– К нам тоже ходят, – небрежно ответил Феодор. – Перенесли бы на после обеда.

– А у Артемиса гимнасий, – возразил Никон. – Его не перенесёшь!

– Тут вот какое дело, парни, – решился я начать серьёзный разговор. – Я вообще-то могу прогуливать гимнасий. Но за это должен писать про вас отцу Никодиму, он у нас ведёт закон божий.

Парни на несколько минут задумались.

– А что писать? – спросил Никон.

– Где живёте, кто ваши отцы, чем занимаются, – проговорил я. – И про вас, как зовут, кем хотите стать, что думаете о власти базилевса.

– Да ничего я о базилевсе не думаю! – весело заявил Платон. – Так и напиши, что пофигу мне базилевс!

– И твоего отца заберут в нумеры! – мрачно сказал Феодор. – Мой отец служит помощником префекта, так что я это хорошо знаю.

– Значит, запоминайте, – строго сказал я. – Вы все базилевса так любите, что прямо мечтаете записаться в войско и выслужить все гражданские права...

– Мы что, дебилы?! – воскликнул Паисий. – Погибать ради этого облезлого осла?! Или служить двадцать лет из-за каких-то никому не нужных прав!

– Ты это своим педагогам говорил? – вкрадчиво уточнил я.

– Ну, как бы нет, – неуверенно ответил паренёк.

– Значит, всем будешь говорить, что обожаешь автократора и пойдёшь в армию, – сказал я твёрдо. – А я это напишу отцу Никодиму.

– Да не хочу я в армию! – психанул Паисий.

– Ты тупой? – насмешливо спросил Феодор. – Хоти или не хоти, что хочешь, а говори, как тебе сказано!

– А! В этом смысле, – скривился Паисий. – Надоело уже врать и слушать враньё. На каждом шагу враньё!

– В банде можешь не врать, – сказал я. – Тем более мне

врать не советую. Легче тебе от этого?

– Да как-то... – пожал он плечами.

Пацаны захихикали. А я продолжил деловым тоном:

– Теперь рассказывайте, как звать отцов, что делают, какие ходят педагоги. Вот ты, Паисий, начинай.

– Ну, папку звать Агапием, служит в префектуре секретарём у какого-то хмыря, я не вдавался. Педагоги меня учат нашей грамоте и латинской. Потом рассказывают о государственном устройстве и законах... муть жуткая! Правда, один научил интересной индийской игре, в неё играют почти все чиновники.

– Покажешь? – спросил я с безразличным видом.

– Отчего ж не показать, – усмехнулся паренёк. – Только всё равно ведь ничего не поймёшь.

* * *

На рыбацкой пристани мы купили три корзины рыбы прямо с только что подошедшей лодки. Рыбаки были просто счастливы – тащить домой монеты намного легче и приятнее. Ребята тоже смотрелись весело.

Вернули рыбакам три пустые корзины, две с собой принесли, и из третьей я пересыпал рыбу в свои корзинки. Сэкономили десять нумий, к тому же нести корзины на ремнях намного удобнее, да и мне легче подложить верёвку под коромысло. Я даже немного обнаглел – не привязал корзинки,

а только накинул на коромысло петли. Коромысло моё в девичестве простой черенок от лопаты или весьма увесистая дубина. Мало ли, игра это очень непростая...

Вот как чувствовал! Отошли мы от пристани, вошли в узкие, пустынные по вечернему времени улочки, а из переулка нам навстречу выходят четверо парней «призывного» возраста. С ножами в руках. И морды наглые.

– Так, купцы, – противным голосом сказал черноволосый, смуглый парень. – Конечная остановка. Сейчас вы отдадите нам всю рыбу и все свои монеты и живёхонькие побежите домой.

– Или мы вас просто зарежем и всё равно всё возьмём, – добавил гнусаво второй чернявый-кучерявый.

Двое таких же красавцев по краям молчали и недобро на нас смотрели. И что было разговоры разводить? Хочешь резать – так режь! Коли ножик достал. Ясно с ними всё, уверены, что нам достаточно только увидеть ножи.

Мои ребята побледнели, молча поставили корзины на булыжник и сняли с плеч ременные петли. Я же грустно вздохнул и с коромыслом на плече, придерживая его правой рукой, шагнул к первому говоруну, поворачиваясь боком, и проворчал:

– Тогда помогите, что ли.

Он взялся за моё коромысло левой рукой, а ножик у него был в правой. Я тряхнул свободной рукой, заточка легла в ладонь...

Знал ведь, что опять пригодится!

Дальше типа неловко накренил вперёд коромысло, корзина соскользнула на петле. Второй говорун, что стоял от первого слева, подхватил корзинку и получил концом коромысла по роже. От неожиданности он упал на жопу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.